

ОЛЬГА ГУЛЯЕВА

ДРУГАЯ СЕСТРА

Зря она
пришла
сюда...

**7 КРУГОВ АДА...
ВРЕМЕНАМИ ПОХОЖЕГО
НА РАЙ**

ИЗ-ЗА НЕЕ Я НЕ ПОЛУЧИЛА ТО,
ЧТО ПРЕДНАЗНАЧАЛОСЬ
МНЕ...

18+

Love&Crime. Любовь, страсть, преступление

Ольга Гуляева
Другая сестра

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гуляева О.

Другая сестра / О. Гуляева — «Эксмо», 2021 — (Love&Crime. Любовь, страсть, преступление)

ISBN 978-5-04-166320-9

ОТ АВТОРА «КАК УМИРАЛА ВЕРА». Зря она пришла сюда. Из-за нее я не получила то, что предназначалось мне... Впрочем, я еще не упустила свое... Трое друзей и коллег, Дэн, Вэл и Мика, даже не подозревали, чем закончится день рождения их шефа, организованный в стриптиз-клубе. Когда надо было просто уйти домой подальше от греха, черт их дернул попробовать адский коктейль, преподнесенный им за счет заведения. Но именно этой ночью в клубе оказалась Аглая — сестра танцовщицы Регины, так соблазнительно двигавшейся весь вечер прямо перед этой троицей. Не сумев после коктейля отличить одну девушку от другой, друзья напали на Аглаю прямо возле клуба... Но Регина — штука горячая. Она намерена отомстить мужчинам за то, что они сделали с Аглаей. Причем самым изощренным способом и с выгодой лично для себя. «Отличная история, где есть место всему: и прогулкам по Риму, и будням телеканала, и заботе, и жестокости. Ольга смогла задать основной вопрос так, что выдыхаешь только на последнем предложении последней страницы. Кто ты есть? И остаешься ли ты собой после того, как преступил закон? Все всегда становится явным, вопрос лишь в том, сколько времени ты пытаешься скрыть преступление и что теперь ставится на карту в твоей жизни». — Анна Делианиди — филолог, преподаватель, специалист по современной литературе «В мире бесконечной рефлексии и самокопания Ольга Гуляева дает читателю возможность насладиться настоящим экшеном в духе любимых триллеров 1980-х. Текст романа захватывает и не дает расслабиться ни на минуту. Сквозь узнаваемые реалии современной Москвы перед читателем предстает вечная тема — в каждом есть темная сторона, но не каждый готов честно на нее посмотреть и отвечать за последствия собственных действий». — Николай Болоснев, писатель, член объединения «Станция Дно» «Один поход в бар с друзьями смог навсегда перевернуть жизнь трех друзей на

180°. Меня же роман подтолкнул в очередной раз задуматься о том, как порой жизнь бывает непредсказуема. Финал ошеломил своим неожиданным поворотом и заставил сердце биться вдвое чаще». — Катерина (@ktrn.books) «@olgulya, как всегда, умеет удивлять нестандартными сюжетами. События разворачиваются достаточно быстро, присутствует некоторая "детективная" линия, но больше здесь про жизнь людей, которых она поломала». — Александр Лазарев (@rassoon_demigod) Ольга Гуляева по образованию экономист и тележурналист, а по призванию — писатель. В 2020 году роман «Как умирала Вера» стал финалистом Международной премии имени Фазиля Искандера. Легкий слог, закрученность сюжета и нетривиальные герои делают романы Ольги по-настоящему живыми и яркими.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166320-9

© Гуляева О., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Круг Первый	6
Круг Второй	27
Круг Третий	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ольга Гуляева

Другая сестра

Круг Первый

Преступление

1

Танцовщица обнажила молодую упругую грудь. Маленький, расшитый сверкающими стразами и разноцветными пайетками лиф приземлился прямо под носом у троих скупающих, несмотря на атмосферу оживленного веселья, мужчин.

– Это не стрипбар, а какой-то притон, – недовольно поморщился Мика, оглядываясь по сторонам.

В недостаточно темном для происходящего действия углу, на обшитом фиолетовым бархатом диване расположился мужчина средних лет в дорогом костюме. Его подбородок был неестественно задран вверх и подрагивал от напряжения. Одной рукой он пытался ослабить галстук, второй – придерживал за волосы взлохмаченную женскую голову, ритмично двигавшуюся в районе его ширинки.

– Одними танцами никого не удивишь, – философски заметил Вэл и опрокинул в себя стопку текилы. – Как насчет выпустить пар?

– Теоретически почему бы и нет? – поддержал товарища Дэн.

– Очкарик, ты, как всегда, теоретик, блин, – Вэл по-доброму похлопал товарища по плечу.

– Потому что ты женат. Практически, – напомнил Мика изрядно перебравшему Дэну. – И вообще, успокойтесь, нам это не по карману. Нас бы даже на порог этого заведения не пустили, если бы не Палыч.

– Кстати, куда он подевался? – огляделся Дэн.

– Судя по тому, какая пышногрудая мадама строила ему глазки, он уже на седьмом небе, – усмехнулся Вэл и пододвинул к каждому по стопке с прозрачной жидкостью. – За Григория Палыча! Пусть босс будет здоров и добр к нам!

Мужчины синхронно выпили.

Танцовщица с пшенично-рыжими волосами приблизилась к их столику и выполнила несколько соблазнительных приседаний в танце, широко разводя колени. Дэн приспустил очки и нырнул взглядом прямо туда, где в ее плоть жадно впилась тонкая полоска трусиков. Мика бесцеремонно взял его за подбородок кончиками пальцев и отвернул от девушки.

– Не будь занудой, Мик! Надя мне уже полгода не дает.

– Не будь уродом, она беременна.

Дэн закатил глаза.

– Это моя карма. А все, что происходит здесь, не имеет ничего общего с изменой, – Дэн обиженно, детским жестом, поправил очки. – Ты вообще свободен с недавнего времени, насколько я помню.

– Свободен, – Мика нервно почесал щеку и убрал выбившуюся прядь волос за ухо, – но все равно у меня нет таких денег. А если бы и были, я бы отдал их на благотворительность.

– А как же премиальные от шефа в честь юбилея? – подмигнул Вэл.

– С Элей я больше не живу, так что потрачу эти деньги на аренду комнаты, – нашелся Мика.

Откуда ни возьмись нарисовался Палыч – виновник торжества:

– Эй, друзья, чего грустите? Грех! Грех унывать в такой вечер! Посмотрите вокруг! Вы педики, что ли?

– Палыч! – Вэл по-братски опустил свою увесистую волосатую руку на плечо невысокого и щуплого по сравнению с ним, именинника. – Ты-то чего до сих пор не расчехлился?

Вэл обладает специфическим характером, ему по барабану, кто перед ним – непосредственный начальник ли, владелец ли канала, на котором он трудится, или сам президент. Он похлопает человека по плечу, тут же перейдет на «ты», пошутит и расскажет пошлый анекдот. Но ничто из этого не вызывает отторжения у собеседников, настолько Вэл органичен во всех своих проявлениях. Двухметровый добряк и балагур, обидеться на него практически невозможно. Он говорит то, что думает, не тратя времени на подбор удобных слов. Он не скован условностями. Он озвучивает то, о чем молчат остальные. Он – глас народа, застывшего в нерешительности. И если в помещение зайдет кто-то с расстегнутой ширинкой, Вэл будет первым, кто без колебания ему об этом сообщит, а заодно разрядит обстановку.

Именно благодаря этому коммуникативному навыку Палыч взял Вэла на работу, закрыв глаза на его скромный опыт. А когда Вэл подтянул еще двух своих друзей, Дэна и Мику, Палыч обеспечил работой и их.

– Валян, знаешь, ты мне как брат. Хочу, чтобы ты и твои друзья в эту ночь оторвались по полной. А за меня не переживайте, я свое доберу еще сегодня. Эй! – Палыч сложил напряженные губы в трубочку и свистнул официантке, верхняя часть тела которой не была прикрыта ничем, кроме тонких ремешков, только лишь очерчивавших силуэт возможной одежды. – Повтори всем по две! То же, что и мне!

Через минуту на столике перед мужчинами оказался поднос, уставленный шотами с зеленоватой жидкостью.

– Абсент? – уточнил Дэн. – Я пас. У меня аллергия на полынь.

– Лучше, братан! – с гордостью объявил именинник. – Не будь занудой, уснешь и пропустишь все веселье. Давай хватай – и до дна! После такого вы отсюда выйдете исключительно с разряженными обоями. Давайте, пацаны! Не чокаясь только – сорок лет все-таки.

– Вот, вовремя вспомнил. Ты уже все проклятия собрал, согрешил где только можно, и мы вместе с тобой. Не приключилось бы чего! Давай, будь здоров, – Вэл смачно врезался своей рюмкой в рюмку Палыча.

– Что за суеверия? Расслабьтесь...

Он не договорил, потому что к нему прильнула очередная бесстыжая девка с розовыми волосами, потянула за рукав и игриво улыбнулась остальной троице. Палыч подался к ней и, удаляясь, крикнул полуголой официантке:

– Лиззи, повтори пацанам! За мой счет.

Часа через полтора зал немного опустел. Как и стопки, выстроившиеся батареей перед тремя изрядно захмелевшими приятелями. Рыжая танцовщица уже лениво, без прежней прыти, крутилась вокруг шеста, как будто вконец разочаровавшись в объектах своего сегодняшнего внимания.

– Пацаны, я пойду, – эти слова из уст шатающегося Мики выглядели бравадой.

– Подожди, из этой глуши поедем вместе.

– Только раздразились! – обидчиво выпятил вперед нижнюю губу Дэн.

Вэл ободряюще притянул Дэна к себе, зажав его шею сгибом своего могучего локтя:

– У тебя хоть Надежда дома, а нам с Миханом и податься некуда.

– Она не дает. Говорит, врачи запретили.

– Ну, я и говорю – есть надежда! Ты же сам медик. Врачи просто перестраховываются в таких случаях, я слышал.

– Я психолог! Когда ты поймешь разницу? – Дэн высвободился и недовольно поджал губы, оглядываясь по сторонам.

В этот момент вплотную к Вэлу приблизился сотрудник заведения. Мика издал едва заметный выдох облегчения: наконец-то их отсюда попросили.

Но победоносный взгляд Вэла не сулил ничего хорошего. Он запустил руку в задний карман джинсов, выудил оттуда две смятые пятитысячные купюры и залихватски выложил их на блестящий, липкий от мокрых разводов столик.

– Эврика, друзья! Нам сделают скидку на приватный танец! – играя бровями и состроив дурацкое выражение лица, он покосился в сторону выжидательно поглядывающей на них рыжей танцовщицы. – Скидываемся!

Дэн был настолько пьян, что даже забыл про свое привычное скупердяйство и безропотно достал из матового кожаного бумажника такую же сумму.

– Я пас, – недоумевающе усмехнулся Мика.

Вэл поднял брови очень высоко и, выразив взглядом все свое разочарование упертостью друга, снова полез в карман. Мика мгновенно смутился, не припомнив ни одного случая, когда бы Вэл ему отказал. Причем это касалось самых разнообразных, в том числе и скучнейших дел: забрать эвакуированную машину среди ночи, отвезти в больницу девяностолетнюю бабушку. Вэл всегда был готов прийти на помощь. Да и какой смысл упираться, если он и впрямь свободен как ветер?

– Даже наш женатый друг похоронил надежду на Надежду. А ты ломаешься. Эльку твою, фифу эту, давно пора было проучить.

Мика запустил два пальца в нагрудный карман и извлек свой вклад в сомнительное мероприятие.

– Черт с вами. Но что с нами будут делать за такие бабки?

Сотрудник, топтавшийся неподалеку, подошел, сгреб со стола купюры и многообещающе улыбнулся:

– Вы не будете разочарованы, господа. Девушке нужно подготовиться. Десять минут. А пока – шоты за счет заведения.

Прошло десять минут. И еще десять. Придерживаясь за столик после еще двух шотов, Мика насмешливо заметил:

– Интересно, чего вы ожидаете от себя в таком состоянии? Почти за штукарь баксов нас поглядят по головке и уложат спать?

– Хорош, брат! У нас за подсчет копя отвечает Дэныч. Ты-то чего завелся?

– Да я так, пофиг уже. Просто любопытно.

Подошла официантка с подносом в одной руке. Пока она размеренно выполняла свою работу, собирая пустые рюмки и протирая столик, ее мягкие зефирные груди цвета топленого молока колыхались под носом у притомившихся посетителей.

– Э-эй, – Вэл пригрозил пальцем загнипнотизированному сим зрелищем Дэну, у которого запотели очки. – Я чувствую то же самое, что и ты, но это не наш трофей.

Мика поморщился.

Вдруг Дэн подскочил на месте и указал пальцем в сторону выхода:

– Она уходит! Наша танцовщица! За которую мы заплатили!

Стройная девушка с небрежно собранной в хвост копной пшенично-рыжих волос всем весом навалилась на входную дверь, которая легко выпустила рабыню ночи в серое туманное утро.

– Точно.

Несмотря на повседневный прикид и отсутствие недавнего боевого раскраса, это, вне всякого сомнения, была она – та, что танцевала для них последние несколько часов и за приват с которой они выложили круглую сумму. Мужчины оглянулись в поисках менеджера или кого-то, кому можно было бы предъявить за такой наглый неприкрытый развод, но зал совсем опустел, и, помедлив секунду, они направились к выходу.

В какую же глушь завез их Палыч для «продолжения банкета»? Вроде от МКАД ехали всего минут двадцать, а попали в настоящее захолустье. Когда они только приехали, то вообще ничего не разглядели из-за глухой темноты, при этом они были еще сравнительно трезвы. Никаких признаков уличного освещения. Но теперь сквозь сероватый воздух туманного апрельского утра вырисовывались силуэты покосившихся деревянных построек с заколоченными ставнями и выбитыми местами стеклами. Через дорогу отсюда располагался комфортабельный подмосковный спа-курорт, где Палыч любил зависать и благодаря которому он узнал про закрытый клуб элитных проституток неподалеку. Но сейчас густой туман съедал любые намеки на соседство с цивилизацией.

Он практически поглотил и силуэт девушки и сделал бы его совсем невидимым для мужчин, если бы она сама не остановилась в нервном замешательстве.

– А вы не рано ли домой намылились, барышня? – громогласно поинтересовался Вэл.

– А твое какое дело?

– Я бабло потратил, точнее, мы. Тот мажор, администратор, деньжули взял, наобещал золотые горы – и адьес амигос!

– Я здесь ни при чем.

Вэл, покачиваясь, сделал несколько шагов к девушке. Та попятилась.

– Быстро ты переоделась. И краску уже смыла.

– Отстаньте! – нервно пискнула она. – Вас еще не хватало! И так таксист не дождался, уехал.

– Как еще можно отсюда до города добраться? – нечленораздельно промычал Мика.

Девушка с некоторой настороженностью ответила:

– На той стороне аллеи есть автобусная остановка, – она махнула куда-то в туман и, сделав еще несколько шагов в том же направлении, добавила: – Скоро первый рейс.

Похоже, ее покинула досада по поводу уехавшего такси, поскольку у нее появилась проблема посерьезнее в виде трех пьяных, требовательно настроенных мужчин. Но она все еще старалась держаться непринужденно, ничем не выдавая испуг.

– Ребята, вы реально ошиблись. Если вам кто-то что-то задолжал, то ищите его или ее в клубе, – она указала взглядом на дверь, из которой вышла минуту назад, и решительно развернулась на каблуках.

Девушка одернула тоненькую курточку из кождама, отороченную полосками искусственного меха, поправила тряпичный рюкзачок на плече и сделала несколько уверенных шагов в направлении аллеи. Ее маленькие рельефные бедра, обтянутые грязно-серыми джинсами, удалялись, покачиваясь и ненароком дразня застывших в растерянности мужчин, накаченных спиртным и афродизиаками неизвестного происхождения. Они пока не задумывались о причинах своего настроения, но каждого в этот момент распирало от желания сорвать одежду с этой маленькой обманщицы, выпустить накопившуюся мужскую силу, избавиться от нездоровой навязчивой потребности немедленно совокупиться с какой-нибудь клубной потаскушкой.

Дэн оказался бессилен против своей тяги. Он в два прыжка нагнал девушку и дернул ее за рюкзак. То ли от неожиданности, то ли от боли в плече она вскрикнула и захлала ладонью наотмашь мужчине по лицу так, что его очки упали на асфальт.

– Ах ты, сука! Значит, будем по-жесткому? Ребят, как вам такой расклад? – он обернулся к товарищам.

Девушка осмелела, видя, что остальные не поддерживают своего пьяного друга, и, со всей силы толкнув обидчика, бросилась бежать.

Дэн пошатнулся и завалился прямо в грязную жижу – стандартное месиво, которое оставляет недавно сошедший снег.

Мика не шелохнулся, а лишь в очередной раз закатил глаза. Его тянуло пойти в сторону остановки, но не хотелось, чтобы рыжеволосая подумала, что он тащится за ней.

Вэл подошел к Дэну, одним рывком привел его в вертикальное положение, посмотрел в сторону беглянки и с досадой заключил:

– Уходит.

– За ней! – с азартом полководца скомандовал Дэн.

– Как скажешь, – согласился Вэл.

Мужчины собрали последние силы и устремились вслед за ускользящим трофеем.

Мика еще несколько секунд постоял на месте, просто потому что ему казалось, что если он пошевелит хотя бы пальцем, то его вывернет наружу. Но тревожные возгласы друзей, донесшиеся до него из густи тумана, заставили молодого человека сделать несколько шагов вперед. Глаза застигла пелена – кажется, это были веки.

– Где она?

– Свалила!

– Не успела бы, бежать некуда. Притаилась где-то!

– Тогда найдем.

– Посмотри в беседке!

– Ага... А-а-а, сука! Сука, на, получи!

– Бля, ты что сделал?

– Ничего, живая... Посмотри, она мне нос расквасила!

– На месте твой нос.

– Я приду домой без очков, с разукрашенной физиономией и все из-за какой-то шлюхи!

– Что ты делаешь?

Мика приблизился к беседке и разглядел, что Дэн расстегивает ремень. В этот момент за его спиной хлопнула дверь клуба, но этого никто не услышал.

– Это такая игра, понимаешь? Ролевая. Так интереснее.

– Но она же без сознания! – прохрипел Вэл. – Все, остынь!

– Нет!

Мика услышал стон девушки.

– Подержи руки.

– Какого хрена? Ты серьезно?

– Держи крепче!

Подойдя к беседке еще ближе, Мика увидел Дэна на беглянке. Действо длилось минуту, потом он повернул тело девушки к себе спиной и продолжил. Вэл держал ее руки, взгляд его был стеклянным, ничего не выражающим.

– Ну, чего ждете? Ваша очередь, – Дэн отвалился от тела девушки и, удовлетворенный, уселся голый задницей на отсыревшие гнилые доски.

Девушка приоткрыла глаза, но Вэл перекинул ее невесомое тело, словно мешок, через поручень беседки, резко рванул вниз молнию своих джинсов, и Мика услышал несколько смачных грубых шлепков. Дэн поднялся и запустил свою перепачканную руку в разлохмаченные волосы, отливавшие рыжиной даже в тусклом свете наступающего утра.

– Отрабатывай, детка, – сказал он.

У Мики закружилась голова, но он сделал шаг вперед. Единственная ступенька отделяла его от входа в беседку, где двое его лучших друзей вытворяли что-то невообразимо жестокое,

такое не свойственное ни одному из них. Он не понимал, что с этим делать. Вмешаться? Остановить?

Но ступенька подвела его, он споткнулся и упал на грязный пол. Ничего не видя, он только улавливал доносившиеся откуда-то издалека голоса:

– А она не против! Смотри-ка, так и впрямь веселее!

– Я же говорил! Все по сценарию! Придерживай на всякий случай.

И вдруг услышал свое имя:

– Мика, красава! Так ее, так!

2

Первым делом после пробуждения Мика перебрался с кровати на деревянный стул у окна.

Бывшая возлюбленная в шутку называла Мику «перспективным женихом с двумя яблоками». Все, что было у него из активов, – это айфон предпоследней модели и «Макбук» пятилетней давности. Даже старенький «Ниссан» был настолько ломким, что Мика предпочитал снимать комнату в самом центре, практически возле офиса телекомпании. Не надо было каждый раз зависеть от настроения машины или заморачиваться с общественным транспортом. Он прожил у своей девушки несколько недель, но к моменту их расставания его старая комната все еще пустовала, и он вернулся, не заплатив, однако, за проживание.

Но сейчас его съедала горечь совсем по другому поводу. Если бы он проигнорировал вчерашнее приглашение на юбилей – что и подсказывало ему сделать все его существо, – то за эту ночь он закончил бы написание своей второй книги. А вместо этого он сидит перед закрытым уже вторые сутки ноутбуком с трещащей башкой, глубоким провалом в памяти и беспокойной совестью. Еще сутки ему понадобятся, чтобы прийти в себя. А потом наступит понедельник, и его, как обычно, засосет рабочая суета, которая не даст взяться за рукопись до следующих выходных, в которые он еще и дежурит. От досады он нащупал в кармане чем-то перепачканных джинсов, которые он даже не потрудился снять перед сном, пачку сигарет и закурил.

Запрокинув голову с грязными слипшимися волосами, он следил, как причудливо расползаются круги едкого дыма на фоне чуть пожелтевшего потолка комнаты в коммуналке, в которую ему посчастливилось вернуться лишь благодаря доброте и хорошему расположению хозяина, проживавшего, кстати, в самой маленькой и неказистой комнатухе этой стопятидесятиметровой квартиры. Правда, на один только длинный коридор с ветхим скрипучим паркетным полом приходилась чуть ли не половина всей площади.

Только ленивый не прикидывал, как бы грамотно перекроить квартиру, снеся все стены и перегородки или какие хоромы можно приобрести взамен этого тухлявого жилья в самом центре столицы, переехав куда-нибудь на окраину. Но у маленького неприметного хозяина были свои планы, даже, может быть, свои воспоминания, связанные с этим жильем.

Мике эта квартира тоже стала близка. Именно сюда, точнее – в до мелочей прописанную такую же коммуналку, он поселил главных героев своей второй книги. Отчасти они были списаны с арендаторов, с хозяина и даже с него самого.

Впрочем, это не так важно. Важнее то, что синопсис его первой рукописи приглянулся редактору, внимание которого Мика старательно пытался заслужить на протяжении последних двух лет. Едва поставив точку в своем первом романе, он всеми путями добивался того, чтобы именно этот редактор прочитал его труд.

Спустя два года редактор прочитал и весьма однозначно дал понять, что рукопись сыровата для публикации. Он посоветовал не доводить до совершенства эту работу, а написать вторую, учтя все замечания. Редактор вселил в Мику надежду на то, что он способен сделать это.

Но вера в успех угасала прямо пропорционально тому, как другие издательства и редакторы игнорировали или отклоняли его первую работу. А Мика толком не видел прогресса и колоссального отличия второй работы от первой. Поэтому процесс шел очень медленно, со свойственными творческому человеку метаниями, неуверенностью в себе и время от времени наступающей апатией. Быть может, рукопись так и осталась бы заброшенной, если бы несколько месяцев назад тот самый редактор не поинтересовался у Мики о сроках ее завершения и не попросил прислать синопсис и первую главу. И вот в итоге прозвучал непривычно скорый и ободряющий ответ: «Закончишь к маю – возьму на защиту на летний редсовет».

Мика с тех пор вдохновенно строчил почти каждую ночь, даже несмотря на головокружительный, набиравший обороты роман с Элей. Приходилось еще и скрывать от нее, по возможности, свое ремесло, поскольку когда заходила речь о его писательстве, Эля скептически кривила свое симпатичное личико: девушке явно хотелось видеть его занятым более перспективными вещами. А ей можно заниматься творчеством! Ее посиделки с художниками – это святое, ведь она неплохо зарабатывает себе на жизнь основной работой! Мика не обижался, не осуждал ее и даже в чем-то был с ней солидарен.

Но их недавнее расставание и предшествовавшие ему события так выбили его из колеи, что он несколько дней не мог взяться за рукопись, несмотря на поджимающие сроки. Совсем недавно он все-таки собрался с духом и уже подвел сюжет к финалу, как вдруг это нелепое, шумное и пошлое мероприятие ворвалось в его размеренную жизнь.

Черт бы тебя побрал, Палыч! Да и Валяна, которому, как всегда, невозможно было отказать. Теперь он в полной заднице. Даже если он успеет закончить рукопись на днях, ее же еще надо раз пять перечитать, а еще хорошо бы параллельно привлечь независимого редактора (желательно, не очень дорогого). Лучше уж перестраховаться, чем нести в издательство сырой материал. Он чувствовал, что именно сейчас решается его писательская судьба.

Нет, он еще не считал себя писателем, но именно от того, станут его публиковать или нет, зависело, начнет ли он нескромно присваивать себе это почетное звание.

3

Дэн приподнял голову и увидел в двери размытый силуэт в бесформенном небесно-голубом одеянии. Ангел?

Ангел вознес вверх какую-то длинную палку и с таким грохотом обрушил ее на пол, что череп Дэна чуть не разлетелся на куски. Он резко зажмурился на несколько секунд и, вновь открыв глаза, увидел Надю в домашней светлой тунике, обтягивающих белых легинсах и с телескопической шваброй в руках. Опустив взгляд ниже, он заметил засохшие земляные следы на светлом, идеально натертом паркете. Одна заляпанная грязью брючина свисала с кровати, вторая застряла на его левой пятке. Бедра и спину неприятно покалывал засохший песок.

– На! Убирай это дерьмо, пока дети не вляпались, – жена швырнула в него швабру.

– Долго же ты ждала, – промямлил Дэн, посмотрев на часы, которые, естественно, он не потрудился снять. – Давно бы уже сама протерла.

– Ну ты и свинья, Жолудев! И как меня угораздило выйти за тебя? Настоящее животное под маской интеллигента! Если бы я убрала это дерьмо, ты бы, как всегда, не поверил, что нажрался в хлам.

– На-а-адя-я! – протяжно застонал Дэн, сдавливая виски ладонями. – Это просто смешно – делать из меня алкоголика! Из человека, который второй раз за три года отравился спиртным! Остынь и протри, пожалуйста, пол, мне очень плохо, – он слегка толкнул швабру, и та с грохотом упала. – Прости. Как только мне полегчает, я пропылесосу всю квартиру. Только не сейчас, умоляю.

Надя неуклюже потянулась за шваброй – мешал большой живот – и, нервным рывком раскрыв ее, начала яростно возить мягкой тканевой поверхностью по полу.

– Блевотина и хождение под себя в супружеской постели – это пройденный этап? Детский сад – штаны на лямках? Вчера ты решил нагадить и извальяться в своем же говне прямо на улице? Посмотри на свою жопу, Жолудев! Сплошное дерьмище и прошлогодние листья!

– Да не дерьмо это, а обычная грязь. Скажешь тоже, – обиженно возразил он, потирая свои голые бедра. – Что за дар у тебя такой все драматизировать, представлять в мрачных, даже мерзких, красках?

Он уже распрощался с надеждой подремать еще немного, осознав, наконец, всю неприглядность своего положения. Дэн встал с кровати и попытался обойти Надю, чтобы добраться до ванны.

– Покажи мне хотя бы одного взрослого человека, который ни разу в жизни не проблевался, перебрав. Но только я являюсь животным и конченным алкашом.

Дэн прекрасно знал, насколько губителен для него мог быть алкоголь. Раз на раз не приходился, но вполне было достаточно одного случая, когда после бурного семейного застолья (между прочим, подливал ему отец Нади) он непроизвольно обмочился в кровати, находясь в глубоком сне, граничащем с забытием. Уж сколько раз он каялся и просил прощения, умолял забыть, стереть этот эпизод из памяти, но Надя вспоминала его при каждом удобном случае.

Сегодня, конечно, ситуация особенная, и, пожалуй, Надя имела полное право припомнить каждый его проступок, но он интуитивно уворачивался от обвинений и оскорблений в свой адрес. Похоже, он все еще находился под действием... под действием чего-то, что порождало странные ощущения, не слишком походящие на привычное похмелье. Но это с учетом того, что пил он нечасто. И все же, будет справедливо признать: если бы ему, не приведи господь, довелось сейчас взглянуть на себя со стороны трезвым взглядом, он бы с радостью помог Наде подобрать всевозможные обидные эпитеты.

В целом ему всегда было немного обидно за эту черту организма, которой наделила его природа. Дэн выпивал в десятки раз реже своих товарищей, но оказывался главным героем самых невероятных и уморительных баек.

Истина состояла в том, что чаще всего, когда все после работы шли в бар, Дэн несся на вечернее обучение постигать науку своей мечты – психологию. Он давно хотел завязать с телевидением и журналистикой, поэтому получил второе высшее образование.

Но и с дипломом психолога ненавистное телевидение все-таки прибрало его к себе. Именно когда Дэн решил раз и навсегда распрощаться с телеканалом, на котором он тогда трудился, вездесущий Вэл позвал его к себе возглавить отдел кадров. Якобы его друг детства, некто Палыч, одобрит, если эту должность займет специалист с профильным образованием, но в то же время хорошо знакомый с телекухней.

Неожиданно в новом назначении Дэн разглядел двойную пользу: в свободное от собеседований и консультирования время он монтировал срочные сюжеты по слезным просьбам корреспондентов, когда все монтажеры были заняты.

По окончании рабочего дня, когда коллеги все так же разбредались по барам, Дэн сломя голову несся на сессии с единичными пока что клиентами – ведь его заветной мечтой оставалась частная практика, которой он смог бы заняться, поднакопив денег и опыта. У него непременно должен быть представительный офис с секретарем и личным ассистентом. Имея такую четкую цель, грех терять время на пьянки и бестолковые посиделки. Дэн чаще всего отказывался присоединиться к шумным компаниям. Но вчерашний вечер стал исключением.

И ведь не столько потому, что он всегда был рад обществу студенческих товарищей Вэла и Мики, сколько ради того, чтобы проучить погрязшую в недоверии и безосновательной ревности жену. Да, он поздно возвращался домой, иногда под утро, и успевал только переодеться и принять душ, но все свое время Дэн посвящал приближению к своей цели, к мечте. За исклю-

чением тех редких случаев, когда ему на язык все-таки попадало спиртное и он выкидывал какой-нибудь невообразимый или просто малоприятный фортель.

И вот вчера он решил-таки сделать то, в чем его постоянно подозревали и обвиняли: он набухался с друзьями и ушел в загул. Даже снял проститутку. Впервые в жизни. Но не один, а с друзьями! Так было не особо страшно и совестно.

Да-а... Кажется, он здорово осмелел. И это привело к...

«К чему же это привело?» – спросил он себя вслух, замерев под теплыми струями лившейся ему на голову воды.

Выбравшись из душа, Дэн насухо вытерся полотенцем, проследовал в гардеробную, надел чистый выглаженный комплект одежды и направился в кухню. Все это время он прислушивался к своему состоянию и пытался хоть как-то восстановить в памяти события минувшей ночи.

– Куда вырядился, алкоголик?

Надя была с голыми ногами. Видимо, намочила или испачкала легинсы, пока отмывала его дерьмо. Да, он сам подобрал именно это слово.

– Сделай мне, пожалуйста, кофе, – попросил он с видом побитой, но хорошо отмытой собаки, продолжая неотрывно смотреть на ноги жены – смуглые, стройные, по-спортивному рельефные, несмотря на третью беременность.

– А ты что, успел заехать за кофе по дороге домой? У тебя еще и память отшибло? В этом доме нет кофе вот уже неделю!

– Могла бы купить.

– Не могла бы. У меня постельный режим. Про это ты тоже забыл?

Дэн любил эти ноги. Да он всю ее любил, целиком. Ее лицо, такое красивое, даже несмотря на отеки из-за беременности: пухлые губы налились еще больше, по-детски аппетитные щеки светились здоровым румянцем, носик привычно заострен и вздернут кверху, длинные ресницы подрагивают, а карие глаза как будто увеличились под воздействием бушующего внутри негодования. Единственное, чего он давно не видел на этом прекрасном лице и по чему действительно скучал, – это ее улыбка. Любуясь ею, он и вообразить сейчас не мог, что несколько часов назад был с другой. Это сон. Дурной сон.

– Тогда пойдем в спальню?

– Придурок. – Надя нервно развернулась и скрылась в детской, громко хлопнув дверью.

4

Вэл проглотил густой комок сигаретного дыма раньше, чем в его сознании начали прорисовываться события вчерашнего вечера.

Привычка закуривать, едва пробудившись, появилась у него сразу по возвращении из армии. Собственно, он около месяца после дембеля больше ничем и не занимался, кроме как лежал и курил. До того дня, пока к нему в комнату не зашла мама – которая все это время терпеливо ждала, пока сын придет в себя, носила ему еду в комнату, как тяжелобольному, укрывала по ночам одеялом его почти двухметровое, тогда еще худощавое тело – и не скомкала последнюю мягкую пачку «Союз— Аполлон» в своей небольшой, но крепкой ладони: «Ты, сынок, конечно, перетрудился знатно, отдавая долг Родине, но таскать деньги из кошелька матери на эту отраву, из-за которой пожелтели все занавески, больше не получится».

Теперь ему почти тридцать шесть, и некогда властная женщина, возглавлявшая в советские времена целый департамент в Министерстве образования, превратилась в мягкую и уютную пожилую даму, согреваемую надеждой дожидаться внуков. Она молча заходила в комнату, когда он выходил завтракать, и открывала форточку.

Лидия Васильевна родила первого и единственного ребенка в тридцать пять – довольно поздно для тех времен. Отец Вэла был еще старше, на момент рождения сына ему стукнуло пятьдесят. Мать боготворила мужа, несмотря на разницу в возрасте. Еще бы – когда он ушел к ней от законной жены, ему было сорок, и он был самым прославленным, талантливым, востребованным и харизматичным кинорежиссером тех лет.

Родители Вэла прожили счастливо душа в душу двадцать пять лет – десять лет до его рождения и пятнадцать после, пока их не разлучил сердечный приступ. Но Трофим Ваганов все же успел снять любимую жену в одной из своих картин. Вэл очень гордился ролью матери, сыгравшей молодую миниатюрную брюнетку с огромными глазами. Лидия Васильевна и впрямь сыграла потрясающе для дебютантки без профильного образования.

После смерти любимого мужа (они не только расписались, но и обвенчались в церкви) Лидия Васильевна с небывалой прытью углубилась в работу. Она просто боялась задушить любовью и опекой единственного сына, который как раз вступил в активный пубертатный период, протекающий под девизом «бери от жизни все или умри». Риск не дожить до совершеннолетия был серьезным, поскольку одним из главных увлечений подростка Вэла стали мотоциклы.

Учитывая рискованные мероприятия и лихой образ жизни сына, Лидия Васильевна выдохнула с облегчением, когда Валентина призвали в армию. Ей было одиноко, но до пенсии оставалось еще достаточно времени, чтобы перенести отсутствие сына более или менее безболезненно.

Спустя два года она получила на удивление степенного и сдержанного молодого человека, который вместо того, чтобы возобновить прерванные неожиданно-негаданно нагрянувшей службой гулянки с приятелями, буквально сросся с диваном на несколько месяцев, пока не лишился постоянного источника дохода, покрывавшего его основные потребности (пиво и сигареты), в виде потертой серой сумочки, болтающейся на крючке в небольшой обшарпанной прихожей.

Нет, они с мамой не жили в нищете. Напротив, квартира была не особо маленькой и довольно добротной, почти в самом центре города – на Таганке. Но у хозяйки ни разу не возникло мысли что-то поменять и обновить после ухода любимого супруга. Вэла тем более все устраивало: и кружевные занавески на окнах, и клеенчатая скатерть на кухонном столе.

И вот когда занять себя стало решительно нечем, молодой человек задумался о получении высшего образования. Это было лишь вопросом времени, о выборе специальности даже разговора не зашло – все было решено матерью уже давно: сын пойдет по стопам отца, то есть поступит на режиссерский факультет ВГИКа. У Лидии Васильевны на тот момент было достаточно связей и хороших знакомых, чтобы не возникло проблем ни с поступлением, ни со стипендией...

Еще затычка. Голова готова разорваться на части – это надо же было так надраться! Вэл нащупал свой «Айфон» (разряжен) и совершил немислимый подвиг: свесился с дивана и стал шарить под ним в поисках зарядки.

Он не помнил, как добрался до дома, и надеялся восстановить события вчерашнего вечера при помощи просмотра последних звонков и сообщений. Иногда это помогало. Но чаще – вызывало бурю безудержного смеха: всегда находились фотографии, сделанные в разгар веселья. Обычно на гогот прибегала испуганная мама, снисходительно улыбалась, покачивая головой, и открывала форточку.

На этот раз никаких свежих уведомлений Вэл не нашел. Как будто его похождения закончились в 22.00. Но такого просто не могло быть.

Пока Вэл вспоминал, куда и с кем направился после завершения официальной части дня рождения шефа, он привычно зашел в чат с пользователем «Сюзанна». Надо же! Даже ей вчера ни слова не черкнул. А такое бывало очень редко. «Люблю тебя! Тоскую по тебе!» – это сообщение висело еще с позавчерашнего вечера. Без ответа, как и все предыдущие, одинаковые

по смыслу. Вэл прокрутил длинную одностороннюю переписку вверх-вниз и шумно выдохнул. Не блокирует. Но и не отвечает.

Вэл, гонимый то ли силой привычки, то ли собственническим инстинктом, каждый вечер строчил Сюзанне одни и те же слова, осознавая всю степень эгоистичности своих порывов, но успокаивая себя тем, что ее все же согревают эти искренние слова. Он часто думал, что будет, если он встретит другую и увлечется ею. Она затмит Сюзанну. Он был почти уверен, что это случится. И, рисуя в воображении роковой момент, жалел ее, хотя и понимал, что она, с большой долей вероятности, уже сама кого-то встретила. Скорее всего, какого-нибудь посредственного провинциального парня. Никто не затмит харизму Вэла! Он был уверен, что останется в памяти Сюзанны большим, темным, бородатым, нестираемым пятном.

Сюзанна отвечала за связи с общественностью в архангельском филиале телеканала. Когда группа специалистов из Москвы приезжала обучать провинциальных новобранцев, именно она встречала гостей, возила их в ресторан и помогала обустроиться в гостинице. Вэл с досадой отмечал, что в московском офисе таких тактичных и знающих свое дело сотрудниц еще надо поискать. Казалось, на ее хрупких плечах держится все представительство. Руководство же местного телеканала, напротив, было начисто лишено столичного лоска. Вэл смотрел на них удрученно и сомневался бы в развитии местного телеканала, если бы не порхающая и везде успевающая Сюзанна. На протяжении четырех месяцев он то и дело мотался в Архангельск и уже не помнил, когда впервые оказался с ней наедине. Кажется, они сидели в ресторане в ожидании вечно опаздывающего начальства. Сюзанна прочно засела в своем телефоне, ее пальцы скользили по экрану, набирая одно сообщение за другим. По всему было видно, что эта женщина работает, а не коротает время в чатах и соцсетях. В любую свободную минуту она лучезарно улыбалась Вэлу, показывая ровный, но немного выпирающий ряд белых зубов.

Она всегда носила деловой костюм, подчеркивающий ее тонкую талию. Изящные икры облегали тонюсенькие чулки, а на ногах красовались неизменные лодочки. Кудрявые волосы до середины лопаток и острый носик придавали игривости ее деловому облику. Почему-то первой мыслью, посетившей Вэла, когда он увидел эту эффектную молодую женщину, оказалось «как хорошо было бы запустить ладонь в ее мягкие волосы». Впрочем, женщины с роскошной пышной шевелюрой всегда располагались на вершине сексуальных фантазий Вэла.

Он вдрызг разругался с тогдашним директором канала Дарьей Птицыной. Всегда не переваривал ее, а она при каждом удобном случае делала ему замечания и выговоры за несоблюдение корпоративного устава. Палыч выкупил канал позже, а на тот момент Вэлу казалось, что его дни на занимаемой должности сочтены.

Он и архангелогородцев уже перестал гонять, все чаще проводил с ними вечера в местных развеселых заведениях и непременно обсуждал ненавистную директрису. Птицына – она и есть птица! Только не изящная, а голубиха с тупо выпученными черными глазками. Или курица, раскудахтавшаяся от долгого невнимания петуха. Или цапля, неуклюжая и непропорциональная.

Но все-таки Дарья Птицына толк в сотрудниках знала. И даже на расстоянии (с высоты птичьей шеи) разглядела, что архангельский филиал держится на помощнице руководителей, и вынесла ее кандидатуру на руководящий пост. Узнав об этом одним из первых, Вэл попытался убедить Птицыну перевести Сюзанну в Москву. «Тут для порядка есть я, – безапелляционно заявила та. – А на местах надежных людей не хватает».

На тот момент Вэл уже добился расположения прекрасной будущей руководительницы регионального филиала. Тем вечером, когда они с Сюзанной все-таки дождались опаздывающее начальство, они вдвоем потом развезли руководителей по домам. Была пятница, и оба не хотели рано ложиться спать, поэтому продолжили общение в баре. Следующее морозное темное утро они встретили вместе в его номере гостиницы.

Понимая, что у Сюзанны хорошие перспективы, а он без пяти минут безработный, Вэл всерьез подумывал осесть в северном городе и уже даже приглядел подходящую нишу для бизнеса.

Предстоящее повышение, о котором Вэл по секрету нашептал возлюбленной одной из жарких ночей в его номере, очень много значило для девушки. Но он не мог не заметить ее вопросительный взгляд: а дальше что? ты уедешь? это все было лишь развлечением? кто я для тебя? Вэл понимал, что Сюзанна пожертвует карьерой и мечтой и поедет за ним в Москву, если он предложит. Но он молчал. Какого черта? Она не пропадет в столице! Она устроится еще лучше! Правда, там, безусловно, конкуренция большая. А вдруг ей не светит ничего выше секретаря или ассистента какого-нибудь фашистского экспата? Нет, пусть лучше он останется здесь.

Со временем их отношения окрепли настолько, что они смогли поговорить открыто о собственных перспективах. Вэл пообещал, что если Птицына сдержит слово и повысит Сюзанну, то он останется в Архангельске. Ей же, в свою очередь, был уготован целый экзамен, который не исключал и прохождения по головам. «Валя, я не буду даже пытаться, – уверенно говорила совестливая Сюзанна. – Я пройду этот путь, а потом выяснится, что ты решил уехать и мне придется все бросить. Нет, я не собираюсь это делать. Ни себе ни людям, называется». Вэл убеждал ее, что останется.

Когда все было готово к ее назначению, Вэл, к своему удивлению, еще числился на канале. Грозная Птицына никак не решалась его уволить, хотя тот уже вконец расслабился. Вэл уехал в Москву, чтобы оформить увольнение.

Мама была самым важным человеком в жизни непоседливого балагура Вэла. Теперь появился еще один человек – Сюзанна. Вэл сообщил ей, что мама переедет с ним. Но Сюзанна не горела желанием жить с его мамой, тем более что они еще ни дня не пожили вдвоем. Но Вэл успокоил ее, сказав, что маме он снимет отдельное жилье. Переезд из Москвы не будет окончательным и бесповоротным, поэтому мамину московскую квартиру можно будет сдавать, а на эти деньги снимать две квартиры в Архангельске недалеко друг от друга.

Но в самый счастливый и переломный период жизни Вэла произошло непоправимое. Когда он вернулся домой, полный решимости сообщить маме о скором переезде, та пожелала высказаться первой. Весь ее вид давал понять неприлично довольному сыну, завалившемуся в дом в теплом пуховике и бодро отряхивающему снег с мехового воротника, что ее новость не так хороша и заслуживает быть озвученной в первую очередь. «У меня рак, сынок. Опухоль в голове. Но операбельная! Мне как москвичке полагается квота на лучевую терапию. Будем бороться!» – «Будем», – ответил Вэл, упав на колени перед мамой и обхватив ее тонкие ноги. Снежинки на капюшоне таяли, и капельки воды падали на плечи, а мама хрупкими бугристыми пальцами размазывала образовавшуюся на поверхности плотной ткани лужицу.

Вэл не вернулся в Архангельск. Он заявил Птицыной без всякого объяснения причин, что ни в какие командировки в ближайшее время не поедет, и она бы уже точно уволила его, если бы в этот самый момент Палыч не подписал договор на приобретение канала. Руководство молниеносно поменяли, Вэла повысили.

Он немного пришел в себя, маме сделали операцию. Прогнозы были туманными, впереди ждала химиотерапия.

Вэл сообщил Палычу о замечательной работнице архангельского филиала, но в данном вопросе его институтский приятель был солидарен с Птицыной: и так задач хватает, чтобы еще заниматься бесполезной пертурбацией.

Вэл впервые написал Сюзанне что-то другое вместо вечерних признаний. Спросил, как она посмотрит на то, что он поднажмет на собственника, чтобы ее перевели в Москву. Сюзанна давно не отвечала на его сообщения, но тут со всей эмоциональностью, на которую было способно текстовое сообщение, уверила его, что никогда этому не бывать.

Он встретил ее в московском офисе телеканала спустя два года. В Гамбурге открывался новый филиал, а самым выдающимся региональным руководителем оказалась Сюзанна, по образованию лингвист, свободно владеющий немецким и английским. По ее стеклянному взгляду он сразу понял, что она еще не готова его простить. «Значит, до сих пор любит», – эгоистично заключил он. Они не перекинулись даже парой слов. Наскоро получив указания от начальства, Сюзанна улетела в Германию, где пробыла несколько месяцев.

О ее возвращении в Архангельск Вэл узнал от Пальча. Она наладила работу филиала и пока будет контролировать его деятельность удаленно. Вэл немного успокоился – у него были некоторые переживания по поводу того, что она встретит какого-нибудь холеного немца и навсегда переедет в другую страну. Ему было спокойнее знать, что она в Архангельске, в городе, который хранит воспоминания об их самых счастливых днях и неделях.

Писать он ей не переставал. Даже после тогдашней единственной мимолетной встречи в офисе он поблагодарил ее за самый приятный рабочий день в своей жизни, пожелал удачи и попросил не забывать его. Вэл представлял, как ее злят и каким издевательством кажутся ей эти сообщения, но не мог остановиться...

Потеряв надежду на то, что телефон хотя бы намекнет ему на причины тотальной амнезии, Вэл встал, натянул на массивный волосатый торс серую футболку, сунул ноги в тапочки и прошаркал в кухню. Мамы там не было, но из ванной доносились копошение и шум воды.

– Мамуль, ты чего там возишься?

– Сынок, у тебя такие грязные ботинки! Где тебя носило?

– А во сколько я пришел? Не посмотрел на часы... – попытался схитрить Вэл.

– Пришел? – усмехнулась мама. – Тебя привели, сынок!

– Кто?

– Не знаю точно. Я сначала подумала, что это кто-то из твоих друзей, но, скорее всего, это был таксист. Незнакомый бугай. Повезло. Другой бы тебя не дотащил.

– Прости. Нас вчера, по ходу, опоили.

– Ага, – тоненьким скрипучим голосочком согласилась мама, не отрывая сосредоточенного взгляда от все еще не до конца отмытых ботинок.

– Правда, мам, даже похмелье какое-то странное.

Вэл знал, каким тяжелым бывает утро после хорошего праздника, но сам редко был подвержен этому состоянию. Благодаря старательно набранной массе и особенностям организма он мог очень много пить и не пьянеть, а если и хмелел, то наутро обычно чувствовал себя бодрячком. За исключением некоторых случаев с некачественным или слишком разнообразным алкоголем, которые можно было сосчитать по пальцам.

Но если этой ночью он напился до беспамятства, то ему сейчас должно быть намного хреннее – именно это он имел в виду, говоря о странном похмелье. Его не мутило, но голову как будто обволакивал липкий туман, да и тот возник, только когда Вэл поднялся с постели.

– Я заварила травяной чай, – сказала мама. – Надеюсь, поможет.

– Надеюсь, – ответил Вэл и вернулся в кухню.

Было почти пять часов вечера, когда он покончил с завтраком. С одной стороны, Вэл обрадовался – уже скоро можно будет снова отправиться в бар. Но с другой – было еще совсем светло, апрельские вечера раздражали своей заторможенностью после стремительных зимних сумерек.

Вэл не выдержал и набрал другу.

– Мика, живой? Как насчет закрепить эффект?

– Эффект? Ты вообще помнишь, что вчера было?

– Нет, а ты?

– Очень смутно. Мне кажется, мы круто облажались.

– Стоп-стоп-стоп. Больше ни слова. Встречаемся в «Карете» через час. Я без бокала не готов базарить о вчерашнем.

5

«Каретой» назывался небольшой паб в полуподвальном помещении на Старом Арбате. Не в каждом приличном заведении Вэла сейчас бы приняли с распростертыми объятиями – небритого, с торчащими в разные стороны волосами, со стеклянными глазами и в небрежной полуспортивной одежде.

Вэл очень просто относился к своему внешнему виду, своей речи, да и жизни в целом. Но пронизательный человек всегда мог разглядеть в нем выходца из интеллигентной семьи. Его сильной стороной было умение без труда поддержать разговор на интеллектуальную сложную тему. На подготовку к подобным темам у иного человека, стремящегося произвести впечатление и показать свою эрудицию, ушли бы дни или даже недели. Любой, кому приходилось выступать его оппонентом в споре, потом жалел об этом, поскольку оказывался не в состоянии противостоять его тонкому уму, юмору и находчивости.

Внешне Вэл контрастировал с утонченной и элегантной Сюзанной, но именно она как-то раз, перечисляя причины любить такого неотесаного и грубого на первый взгляд мужлана, сказала: «Мне за тебя никогда не будет стыдно, знаешь? Каким бы ни было у человека первое впечатление, ты всегда заставишь его уважать себя. Так случилось и со мной. Не потому, что ты старался мне понравиться, а потому, что просто был собой. Я встречалась с мужчинами и уговаривала себя делать им поблажки – скидки на воспитание, происхождение, недостаток образования. А ты – полный сосуд, содержимым которого я наслаждаюсь, пью его и не могу напиться». Вспоминая эти слова, Вэл раз за разом убеждал себя в том, что никого лучше она не нашла и не найдет и именно поэтому не блокирует его номер.

Единственное, чего не ожидала Сюзанна, – это того, что он окажется так жесток. Но его строптивость стала неожиданностью и для него самого. Быть может, в глубине души он надеялся, что она все-таки бросит все и приедет к нему. Быть может, он ждал жертвы, на которую его любимая оказалась неспособна.

– Здорово. Дэну не звонил? – спросил Мика, снимая легкую куртку.

– Не думаю, что он так быстро очухался после вчерашнего. Слабачок, обычно после пинты пива полдня в лежку.

– Тоже верно. Но, может, он что-нибудь помнит?

– А ты помнишь?

– А ты?

Никогда еще их разговор не носил столь загадочный характер. В этот момент они оба ощущали острую потребность в третьем товарище, что случалось не так часто. Дэн обычно много нудел и мало пил. Вернее, недолго пил. Поскольку быстро отключался. Но сегодня его не хватало, без него пазл не складывался.

– А вот и он, воробышек, – Вэл поднес к уху вибрирующий айфон. – Бессмертным будешь! Только о тебе вспоминали, – он нахмурил брови, Мика подался вперед. – Ладно, ладно, не кипятись. Ждем в «Карете», без тебя не начинаем.

– Ну, чего там? – нетерпеливо спросил Мика.

– Обиделся, – пояснил Вэл, – что без него похмеляемся. Сейчас примчится.

И в самом деле. Не прошло и тридцати минут, как в полутемное помещение влетел Дэн. Выглядел он безупречно, особенно на фоне помятых в прямом и переносном смыслах товарищей.

Вопреки их ожиданиям, Дэн не схватился первым делом за меню, а бросил им под нос конверт из «Инвитро» и плюхнулся на стул, ослабляя галстук, повязанный поверх идеально выглаженной рубашки. Пока он пристраивал к стенке свой портфель, Вэл присвистнул:

– Мы всего лишь сходили в стрипбар, а он уже проверился! Ну ты и алармист!

– Значит, про бар ты помнишь? – осторожно поинтересовался Мика. – А про то, что было после бара, утром?

Вэл поджал губы и, отведя глаза, уставился на висящую на стене футбольную бутсу.

– Странно, – сказал он, – и почему мы тут ни разу футбол не смотрели?

Мика безнадежно развел руками и съехал по стулу.

– Ну, ладно-ладно. Я помню, что мы задумали какую-то хрень с этой танцовщицей, кажется, даже скинулись в кругленькую сумму. Но вот потом... Почему я весь в говне пришел домой? Нас вышвырнули, что ли, оттуда?

– Потом мы ее трахнули, – тихо сказал Дэн.

Мика заерзал на стуле, облокотился о стол и уронил лицо в раскрытые ладони.

– Блядь. Я надеялся, что мне это приснилось.

– Пацаны, а что за траур? Даже если и так – слегка диковато, конечно, в нашем возрасте вот так развлекаться, но мы пришли в заведение, кишасщее проститутками, заплатили и логически зафиналили цепочку событий. Жаль, правда, что ни хрена не запомнили за такие деньги.

– Ты помнишь сумму, но не помнишь, что было? – продолжал допытываться Мика.

– Мы бухали их зеленую фирменную дрянь.

– Вот именно! – громко произнес Дэн. – Они опоили нас!

– Ага, околдовали, – усмехнулся Вэл.

Мика с тревогой переводил взгляд с одного собеседника на другого.

– Я не шучу, – с профессорской серьезностью продолжил Дэн. – Неужели вы не заметили ничего странного? Я пока молчу о том, что мы, как животные, залезли толпой на одну проститутку. Лично я тогда вообще ничего не соображал. А вот мое утреннее состояние меня очень сильно насторожило. Это был эффект дереала. Дерезализация. Обычно с этим состоянием разбираются психотерапевты. Но и у психически здорового человека оно может наблюдаться после применения синтетических препаратов, длительных запоев или при панической атаке. Сечете?

– Ну, еще бы! Столько выжрать за раз – рекорд даже для меня. Как ты выжил, я вообще удивляюсь! – пробасил Вэл.

– Э-э-э не-е-е, – Дэн с очень хитрым видом и неуместной улыбочкой покачал указательным пальцем перед носом у друзей. – С одного раза такого не будет, просто тебя вывернет наизнанку, ты убьешь кого-нибудь или сам умрешь. Для дереала нужен накопительный эффект. У меня такое было в десятом классе, когда я из кожи вон лез, чтобы не отставать от товарищей, и каждый вечер пил с ними водку в подъезде. И в какой-то момент меня перестало забирать. Я приходил домой, и мне не нужно было притворяться трезвым перед родителями. Я сначала так обрадовался, что могу без палева бухать с корешами, но в какой-то вечер забрался под душ и услышал музыку. Помните, еще группа такая была, «Вирус» называется? Я стою пританцовываю, думаю, какие соседи молодцы, врубили на всю мощь, чтоб мне плескаться не скучно было. Воду выключаю, вытираюсь, выхожу – родители и ухом не ведут, а время уже за полночь. Я говорю, типа, вот соседи ошалели! А главное, вроде и некому, вокруг всегда жили одни тихони. Они мне: «Ты о чем?» Я говорю: «Ну музон, слышите, врубили?» Они, как на идиота, на меня посмотрели. А я долго еще бродил по квартире, пытаюсь определить, из какого угла слышнее, пока не осознал, что музыка играет только в моей башке. Я тогда чуть с ума не сошел, уснуть не мог до утра. Зарываюсь в подушки, а песня все громче. Хоть через подоконник сигай. Переборол с трудом это желание и больше по подъездам не шатался. Не, вру – шатался, конечно, но старался делать перерывы. Больше вроде не накрывало.

- Ух, страсти! Ты псих. Я так же бухал, и ничего подобного не было, – резюмировал Вэл.
- Слушай дальше! У Нади было...
- Семейка!

– У нее это случилось в аэропорту, когда мы летели из Турции. Тогда у нас только старший был. Там уж не знаю, что сыграло роль. Может, все вместе. Две недели «все включено», и Надя этим усердно пользовалась. Так вот, у нее наложилось на паническую атаку, которая у нее случилась в результате задержки рейса и долгого ожидания взлета. Она начала такое нести! И что стюардесс она видит насквозь, и что они на самом деле инопланетяне, монстры, скрывающиеся под человеческой оболочкой, и что она чувствует, как у нее сердце останавливается. А потом вдруг она забыла, как дышать, вцепилась в меня, начала носиться по всему салону в поисках врача, валокордина или хотя бы коньяка, чтобы прийти в норму.

Вэл попросил у официанта еще пива.

– В общем, утром я обнаружил себя в этом состоянии. Оно всегда по-разному проявляется, но его ни с чем не спутаешь. Ну и главный вопрос: где похмелье? Оно должно было проявиться после всего выпитого, – Дэн заговорщически понизил голос: – Нас опоили какой-то херней. Может, в алкоголь подмешали.

– Зачем? – шепотом спросил Вэл.

– Чтобы усилить влечение. И, следовательно, вытянуть бабки.

Мика нахмурился.

– Подсыпать средство в алкоголь или синтезировать напитки подобного действия – не проблема для них, – продолжил Дэн. – А мы держались долго, сидели полночи, как импотенты или педики, вот они и решили нас взбодрить. И не рассчитали. Вернее, наша танцовщица долго возилась, и они нас сумели добить.

– Да, когда мы собирались уходить, у меня уже все колом стояло, – согласился Вэл.

– Это действие препарата, он улучшает циркуляцию крови в области малого таза. Плюс активизируется работа части головного мозга, отвечающей за возбуждение. Тестостерон зашкаливает – клиент готов! Не стоит на шлюх? Натя! Сейчас все будет! Такая у них политика, видимо. А вкупе со всем выпитым ранее или с тем, во что эта хрень подмешена, вылезают побочки, такие, как агрессия, амнезия, потеря сознания.

Полумрак привычного заведения сегодня казался каким-то зловещим, как будто мозг и впрямь дал сбой и то ли подвергся панике, то ли буксует из-за воздействия инородных препаратов. Знакомые официанты не казались дружелюбными, притворство на их лицах было заметнее, чем обычно. Они обслуживали их столик, как будто бы с трудом скрывая брезгливость, вызванную неизвестно откуда появившимся у них знанием того, что эти мужчины совершили прошлой ночью.

– Нас отравили, парни. И я в этом удостоверился. – Дэн выдвинул конверт на середину стола. – Цинк, медь, ниацин. Значения зашкаливают. Потихоньку эта хрень вымывается из организма, но еще утром концентрация была велика.

Мика и Вэл непонимающе уставились на разложенные перед ними бумаги.

– К чему все это? – спросил Мика.

– В первую очередь я хотел проверить свои догадки. Во вторую – это наша подстраховка.

– От чего подстраховка? – спросил Вэл.

– От обвинения в изнасиловании, – Мика откинулся на спинку стула, скрестив локти на груди.

– Так, стоп! Позвольте мне как меньше всех помнящему трезво взглянуть на ситуацию, – деловито сказал Вэл.

– Какой-то оксюморон, – невесело усмехнулся Мика, кивнув на вторую опустошенную литровую кружку.

Но Вэл продолжил, не обращая на него внимания:

– Мы пришли в закрытое заведение, где продается секс. Законно это или нет – другой вопрос. Даже если бизнес подпольный и запрещен в стране – это не дает никому права обвинять в насилии каждого, кто развлекался со шлюшкой за деньги. Мы вели себя, как примерные гости, мы безропотно пили их пойло и так же безропотно отдали свои кровные. Случился закономерный контакт, и мы ушли. Единственный, кому стоит сейчас краснеть, – это наш женатый Дэн. И то я бы на его месте не стал жалеть о небольшом невинном приключении.

– Ты, мне кажется, действительно ни хрена не помнишь. Почему мы оказались на улице?

– Сложно сказать, – Вэл почесал густую бороду. – Предположим, что мы не наскребли на койко-место.

– Да хрена с два! – прикрикнул в несвойственной себе манере Мика. – Мои воспоминания – лишь череда ускользающих вспышек, но и этого достаточно, чтобы понять, что все было жестко! Мы совершили акт насилия, парни!

– Поэтому я и подстраховался, – Дэн поправил очки на переносице (не те, что были вчера) и утер рукавом чистой рубашки проступившие на лбу капли пота, продолжая смотреть в одну точку перед собой.

– Да бросьте! Невозможно изнасиловать проститутку! – в сердцах воскликнул Вэл. Хорошо, что в баре было еще мало народу. К тому же включили приглушенную музыку.

– Ну, теоретически, она могла передумать, – заметил Мика. – И мы должны были это принять.

– Тогда она предложила бы вернуть деньги. Она кому-нибудь предлагала деньги?

Судя по выражениям лиц, этого никто не помнил.

– А это точно была она? Как она оказалась на улице? Почему мы оказались на улице? – взволнованно затараторил Дэн.

– В такой глуши в такое время неоткуда было взяться случайно заблудшей благочестивой студентке, – обреченно заметил Вэл и взял со стола листок с результатами анализов. – Другище, скажи мне, что за хрень попала в нашу кровь и сделала из троих здоровых, цивилизованных, законопослушных мужиков, у которых по разным причинам с месяц не было секса, отвратительных, похотливых тварей, готовых долбиться во все, что движется, забыв про стыд и приличия?

– Как я уже сказал, это типичные средства для повышения либидо. Улучшают циркуляцию крови, активируют работу отдельных участков головного мозга и так далее.

– Другими словами, они не делают монстра из обычного человека, а только лишь обнажают существующие пороки, – пояснил Мика.

– Не драматизируй, – назидательным тоном ответил Вэл. – У каждого полно дури. Не всю прогуляли, значит, в молодости. Есть еще порох в пороховницах припереться домой под утро перемазанным дерьмом после сомнительного мероприятия.

– И больше всего дури у того, кто вообще предложил скинуться на это дело.

– Давай вот только без этого? Обвинениями сейчас ничего не упростишь. Можешь считать себя чистеньким и валить все на меня, но только не включай праведника, тебе это не к лицу. Можете не верить, парни, но я скидывался на приватный танец, без всяких левых мыслей. Ну, может только, с робкой надеждой, что кому-нибудь упадет приятный бонус, – Вэл мечтательно развел руками. – Омлет или чего еще. Причем я бы порадовался за любого из нас, кому перепало бы, клянусь, – он выставил вперед правую ладонь.

– Святой человек! – не унимался Мика. Он, может, и промолчал бы и перестал бы поддевать друга, если бы это был первый раз, когда тот втянул его в передрагу. Но у любого терпения есть предел. – Ладно, что будем делать?

– Надо восстановить цепь событий в памяти, чтобы понимать, есть ли нам чего опасаться. Если мы чисты и действительно таким нетривиальным способом получили секс-услугу – это

одно. Свыкнемся как-нибудь с этой мыслью, переживем. Но если же мы переступили черту, то нужно понять, стоит ли нам готовиться к отражению обвинений, – рассудил Дэн.

– Эх, блин! – Вэл так смачно стукнул по столу, что его товарищи вздрогнули. – Помните, к нам в друганы набивался Вовчик из юротдела? Как мы его отшили жестко! А сейчас было бы нас четверо, как мушкетеров. Так и чувствовал, что кого-то нам не хватает! Врач, писатель, распиздьяй и юрист! Во! – Он поднял вверх большой палец.

– Я не врач, – устало поправил его Дэн и продолжил: – Вернемся на то место и попробуем что-нибудь вспомнить.

– А если мы конкретно налажали и нас загребут с поличным?

– Мы не пойдем сразу сдаваться. Походим вокруг, попробуем освежить память.

– Я за, – согласился Мика.

– Бес с вами, поехали. Когда?

– Завтра?

– Завтра маму на дачу обещал отвезти, – развел руками Вэл.

– Ну, выберите день на неделе посвободнее – понедельник, вторник? Лучше не затягивать.

– У меня до среды аврал по съемкам будет, – виновато пробубнил Мика.

– Надя просила с ней к врачу сходить в среду. Ладно, повременим немного. Возможно, когда посторонние вещества выветрятся из крови, память вернется. Только хватит бухать! – Дэн встал и подтянул ремень, и без того идеально обхватывающий его стройный торс.

– Куда ты?

– Домой к семье, черт бы вас побрал.

Он сгреб со стола результаты анализов и нервным движением затолкал бумаги в свой портфель.

– До понедельника.

– Эй! Я, может, и не помню, чем дело кончилось, но в моей памяти свежо, как у тебя глаза блестели на клубных шлюшек! – Вэл понизил голос до шепота.

– Хорош, оставь его. Мы все отличились. Все, давай по пиву и домой, – устало сказал Мика.

До понедельника друзья больше ни разу не созвонились, а в первый рабочий день после выходных вели себя как ни в чем ни бывало, ни словом, ни делом не возвращаясь к событиям двухдневной давности.

Казалось, каждый из них испытывал некоторое облегчение от того, что благодаря офисной суете это негласное молчание выглядит вполне органично – не будут же они специально втроем тереться по углам, чтобы лишний раз мусолить произошедшее в пятницу? Чего уж скрывать, каждый из них немного воспарял духом еще и потому, что никто до сих пор не объявился, чтобы расспросить их о пятничных событиях или накинуться с обвинениями, а следовательно – на них никто не заявил и заявлять не пытался. Окончательно расслабляться было рано, ведь они могли случайно спяну так замести следы, что нерасторопный представитель закона еще не успел соотнести факты. С другой стороны, каждый прекрасно понимал, что вычислить их персоны было бы не так уж сложно благодаря их общему товарищу и виновнику торжества Палычу. Он был хорошо известен каждому сотруднику сомнительного заведения.

Не все друзья были одинаково напряжены. Кого-то больше всего волновало возможное разоблачение, кого-то – сам факт и природа совершенного, а кого-то лишь слегка беспокоил неприятный осадок, причем не столько от содеянного, сколько от факта проявления бесконтрольного поведения, обернувшегося непривычным беспамятством.

Ближе к обеду появился жизнерадостный шеф, и у друзей еще больше отлегло, потому что вместо того, чтобы вызвать их на ковер и устроить допрос с пристрастием («Что за хуету вы устроили той ночью, почему меня все про вас спрашивают?»), он весело поздоровался

с каждым, по-дружески похлопал всех по плечу и заговорщически подмигнул. По всему было заметно, что он до сих пор находится под приятным впечатлением от праздника, который у него-то явно продолжался еще как минимум сутки, но закончился достаточно вовремя для того, чтобы в понедельник появиться в приглядном виде перед подчиненными.

6

– Почему ты не вызвала полицию? – Аглая все еще дрожала под несколькими слоями мягкого пледа крупной вязки. – Почему ты так быстро увела меня оттуда? Надо было вызвать полицию!

– Если бы мы остались там, то, скорее, дождались бы того, что они вернутся да еще приведут с собой дружков-халывщиков. Детка, соберись! Надо в душ сходить, смыть с себя всю эту дрянь. Давай помогу. И так дивану уже химчистка светит...

– Твою сестру чуть не убили, над ней грязно надругались, а тебя заботит только диван! В этом вся ты! – Девушка откинула голову и, проведя рукой по грязным спутанным волосам, из которых на светлый ковер выпали фрагменты прошлогодней листвы, истерично хохотнула: – Потерпи. Если я схожу в душ, то смою улики, сечешь? Или ты их соучастница? Я понять не могу, какого черта ты так спокойна?

Во взгляде Регины действительно не было ни капли сочувствия. Скорее, читался укор за неосторожно брошенные в ее адрес слова, который она не стала озвучивать.

Она отодвинулась на краешек дивана и, разглядывая свои руки, теребящие единственное колечко, вкрадчиво проговорила:

– Они подумали, что это я. Они заплатили за секс со мной.

Аглая приподнялась на локтях и в упор уставилась на как две капли похожую на себя сестру.

– Я так и знала. Хотя до последнего старалась себя убедить, что ты просто танцуешь.

– И на эти деньги снимаю шикарную хату? Ха!.. И не вздумай меня судить, – Регина поднялась и начала расхаживать босиком по мягкому светлому ковру с длинным ворсом. – Ты такая благочестивая, потратила все деньги на учебу! Вся такая невинная приехала в Москву искать перспективную работу... А я нашла быстрый и простой способ зарабатывания денег. У мамы не было времени ждать, пока я выучусь и займу высокооплачиваемую должность.

– Я ценю твою помощь маме, но сейчас нет необходимости в легких деньгах.

– Ты так думаешь? А я привыкла к хорошей жизни! И хочу снимать именно эту квартиру, а не занюханную комнатку в коммуналке! К тому же то, что я делаю, не так уж и ужасно. Поверь, в офисах и у вас на телевидении – особенно на телевидении! – люди опускаются до куда более мерзких делишек.

– Я хочу пойти в полицию.

– Не торопись. Если они посмотрят записи с камер, то закроют нас. Или мы разоримся на откатах.

– Не вы, а они. Люди, которые зарабатывают на твоём теле.

– Не умничай... Ладно, мы сами что-нибудь придумаем.

– И что же? Самосуд?

– Даже если и самосуд – пока не над кем его устраивать. Я-то их запомнила: бородатый кабан, лохматый красавчик и интеллигент в очках. Но что толку? Они к нам больше не сунутся.

– Надо заявить в полицию!

– Прошу тебя, не горячись! Если клуб закроют, я лишусь приличного заработка и никогда не заберу Данилу из интерната! Они не найдут этих уродов, но моментально выйдут на клуб. Прошу тебя, в память о маме и о том, что я сделала ради нее и ради будущего Даньки!

– Это слишком большая жертва.

– Какая, блядь, жертва?! Ты в своем уме? Все уже случилось! Нужно отомстить? Отомстим! Но раздувать это дело ценой собственного благополучия глупо! Если я не ошибаюсь, тебе больше негде остановиться в Москве, пока ты не получишь работу на каком-нибудь гребаном телеканале и не встанешь на ноги. Приехала покорять столицу – терпи и не ной! Хреновое начало, конечно, но давай не будем усугублять.

– Все было бы прекрасно, если бы ты вовремя сделала дубликат ключей и мне не пришлось бы среди ночи тащиться за ними в эту дыру.

– Вот именно! Если бы ты не приперлась, то я бы спокойно отработала и получила бы свои деньги. А мне ничего не заплатили, заметив, что я не обслужила этих троих... А вообще, Аглай, меня всегда поражало и жутко бесило твое умение всех вокруг выставлять виноватыми. Помнишь, что ты мне сказала, когда заболела мама? Что это все из-за меня – из-за моего разгульного образа жизни и ранней беременности. И я долгое время в это верила и с ума сходила от чувства вины. Короче, – Регина впервые за утро посмотрела в глаза сестре, взвешивающей на нее исподлобья. – Мне тебя даже почти не жаль сейчас. И тебе точно не удастся снова вселить в меня чувство вины за то, что случилось сегодня утром.

– Регин, сейчас речь не о наших отношениях, – устало, едва шевеля бледными потрескавшимися губами, проговорила Аглая. – Преступники на свободе, понимаешь? Они могут все повторить.

– С хрена ли? Они не маньяки. Просто обдолбанные богачи, решившие развлечься в закрытом клубе и заплатившие за это деньги. Ты оказалась не в то время и не в том месте. Если бы мы не были с тобой близняшками, вообще ничего не случилось бы.

– Сажать их надо.

– Тогда уж сажать надо пачками всех наших постоянных клиентов. Да, все они зверюги похотливые, отморозки. Но это не преступление, поверь! Приди в себя! И если тебе так принципиально, то, клянусь, мы это так не оставим. Но обойдемся без полиции.

Регина бережно помогла сестре избавиться от пледа и, аккуратно проведя пальцами по ее спутанным волосам, вкрадчиво проговорила:

– Иди в душ, смой с себя все это. На полочке у меня найдешь спрей, обработай там все как следует. Потом я дам тебе таблетки на всякий случай. Все будет хорошо. Тебе надо поспать, и все пройдет. Но в таком виде я тебя в свою кровать не пушу, – она нежно коснулась подбородка Аглай и, улыбнувшись до боли знакомой, самой доброй маминой улыбкой, сжала в своих ладонях ее ледяную руку с остатками грязи под короткими ногтями.

Когда за сестрой закрылась дверь ванной, Регина достала телефон и в очередной раз пересмотрела видеозапись от начала до конца. На экране мелькали мужские силуэты в сероатой утренней дымке, из динамиков айфона доносилось кряхтение и нечленораздельные возгласы.

Несколько часов назад, перед тем как включить камеру, она, не обнаружив в пустом зале своих клиентов, поспешила отпроситься и покинуть клуб в надежде догнать сестру, чтобы поехать домой вместе с ней. Девушка вышла на улицу и приблизилась к беседке, в которой происходила беспорядочная возня...

Вот бы найти их! Всех троих! Настоящий джекпот! Но как? В клубе они были впервые и вряд ли сунутся снова. Но раз оказались там, значит, что-то из себя представляют. Или у них есть влиятельные приятели.

Если она найдет их, то обеспечит себе и Даньке безбедное существование на долгие годы...

– Черт возьми, – с досадой выдохнула Аглая, когда спустя час вышла из ванной, кутаясь в мягкий махровый халат сестры. – Посмотри на меня!

– Чуть разукрасили, – с сочувствием кивнула Регина и сделала большой глоток из чашки. – До свадьбы заживет. Я тебе кофе налила. Наверное, уже остыл.

– Собеседование придется перенести. Как я, такая красивая, приду устраиваться на телевидение? – она села за барную стойку напротив сестры и придвинула к себе чашку. – Надеюсь, не спишут меня со счетов. Вроде мое портфолио им понравилось... Скажу, что заболела, и попрошу, чтобы приняли в пятницу.

– Жива-здоровая – и хорошо, – философски заметила Регина. – Повезло, что не прибили ненароком.

– Спасибо, успокоила.

Аглая и впрямь выглядела намного лучше – руки перестали дрожать, к лицу начинала приливать кровь.

– Может, и к четвергу оклемаешься.

Вечером, убедившись, что Аглая крепко спит под действием снотворного, Регина еще раз включила видеозапись. Ее веки чуть подрагивали, дыхание участилось, а рука потянулась к заветному холмику между ног. Она никак не могла проникнуться сочувствием к сестре, поскольку испытывала другие чувства: зависть и досаду. Не только из-за сорвавшегося заработка, но и из-за упущенного удовольствия. Еще танцуя, она положила взгляд на эту троицу и предвкушала нескучное завершение рабочей ночи. Зря они не дождались ее, очень зря! Если бы Аглая ее не отвлекла, она вышла бы вовремя... Надо поспрашивать в клубе, что это за фрукты. К ним подходил завсегдатай – кажется, какой-то телевизионный магнат. Может, и эти ребята как-то связаны с ТВ? Как бы это узнать?..

На смену тревожным мыслям пришел короткий спазм удовлетворения. Видео оборвалось, экран погас. Регина повернулась спиной к сестре и закрыла глаза, пообещав себе завтра же поподробнее разузнать о шишке с телевидения. Она отомстит этим троим за то, что они сделали с ее сестрой. И это не просто слова – в ее голове созрел план. Как и все безумные идеи, посещавшие когда-либо ее голову, он был спонтанным, необдуманым, но интуитивно перспективным. А на руках имелись неоспоримые доказательства.

Осталось только найти их. Она и отомстит, и своего не упустит.

Круг Второй Вина

1

– Я никогда себя не прощу. Похоже, это конец. – Миниатюрная шатенка с крупными чертами лица и удлинённым каре с грустью помешивала двумя тоненькими трубочками свой апероль.

– Эль, у всех бывает. Вы не в первый раз поругались. Даю вашему расставанию еще пару дней.

– Дело не в том, что мы сильно повздорили. Его любовь прошла. Мне казалось, ничто не может быть крепче. Но я растоптала ее своим поступком.

– Ты не хотела этого ребенка. Имела право сделать такой выбор.

– Нет! – Эля возразила так громко, что пожилая пара за соседним столиком резко повернула головы в ее сторону. – Я не хотела ребенка от него, но и расстаться с ним была не готова. Я не думала, как буду жить одна.

– Эль, по большому счету, тебе нечего делать рядом с мужчиной, если ты избавилась от его ребенка.

– Мне кажется, многие так поступают и не расстаются после этого. Сколько семейных пар делают аборт и живут дальше! А он... Когда я сообщила ему, он так посмотрел на меня, что сразу стало понятно: это конец. В его взгляде сквозили пренебрежение, брезгливость. Как-то разом испарилось привычное восхищение.

– Ты смотрела на него без брезгливости, когда он раз за разом терял работу, когда у него разваливалась машина и не было ста рублей, чтобы угостить тебя кофе. Когда он лишал вас обоих шансов на достойное будущее, зная, как для тебя важно материальное благополучие, и не потому, что ты меркантильная мечтательница, а потому, что много лет усердно работала, чтобы обеспечить себе достойный уровень жизни. Тебе нужен был союзник, а не неудачник, не желающий разделять твои стремления. Он, конечно, не прав, это было неожиданно. Никто не вправе заставить тебя оставлять ребенка. Но сама подумай: зачем тебе быть с человеком, если однажды ты уже не захотела родить от него?

– Во-первых, дело не в нем – не только в нем, – а в его нестабильной работе и отсутствии перспектив на ближайшее будущее.

Нонна закатила глаза, но сдержала свою коронную реплику. Она звучит так: если мужик в тридцать пять из себя ничего не представляет, то глупо надеяться на то, что в скором времени что-нибудь изменится.

– Во-вторых, – Эля уронила голову на раскрытые ладони, – я жалею, что сделала это.

– Ну, вот это уж точно абсолютно бесполезное занятие!

– Может быть, все оказалось бы не так страшно, мы бы поумерили аппетиты, справились бы, и, возможно, из нас даже получилась бы счастливая семья.

– Если этому суждено случиться, то так и будет.

– Но как? – Эля уже не стеснялась посетителей, слезы текли по щекам. – Ты не видела, как он смотрел на меня. Мне показалось, что я только что умерла в его глазах.

– Он не имел права распоряжаться твоим телом и твоей жизнью. А если вам суждено быть вместе, то он переварит случившееся и поймет тебя. Но я все-таки убеждена, что на твоём Мике свет клином не сошелся и ты найдешь того, от кого захочешь родить без всяких «если».

Обеденный перерыв закончился до того, как Эля успела заказать еду. Расплатившись за два апероля и поблагодарив Нонну за то, что та приехала всего на час с другого конца города, чтобы поддержать ее, девушка поспешила обратно в офис.

Шпильки ее туфель с аккуратно заостренными мысками застревали в неровном плиточном тротуаре, что придавало ее походке ложную, не соответствующую внутреннему настроению игривость. Внешне она оставалась той же миниатюрной ухоженной шатенкой с большими серыми глазами, в которых только самый проницательный мог заметить непривычное затухание, вызванное внутренним надломом.

Нонна была таким человеком, но при этом чересчур прямолинейным. Вместо того чтобы успокоить подругу, она расставляла все по полочкам. Ее правоту было сложно оспорить, но горькая правда сейчас мало утешала Элю. Но, тем не менее, именно за прямооту и честность она и ценила Нонну.

Девушки познакомились на творческом неформальном нетворкинге «Рисуем под вино». Успешные художницы наряду с любительницами собираются в каком-нибудь атмосферном пространстве, иногда на природе, и, как несложно догадаться, рисуют и пьют вино. Желающие подтянуть мастерство обращаются к более опытным. Последние, в свою очередь, находят учениц, зачастую обеспечивая себе тем самым весьма достойный заработок, с лихвой компенсирующий затраты на членство в творческом клубе.

Эле повезло – Нонна, уже имевшая собственную небольшую галерею, сама обратила внимание на ее незаурядные способности и особый стиль. Консультации и советы художницы не стоили ни копейки, Эля долго смущалась по этому поводу, даже когда их творческий союз перерос в дружбу. Но предложить что-то взамен она не могла. Членский взнос ощутимо бил по карману, но отказаться от этого хобби Эля была не в силах – она привыкла не только к коллекционным винам, но и к общению в кругу единомышленниц, и очень боялась все это потерять. И особенно она боялась потерять Нонну.

Вторым человеком, которого Эля боялась потерять, стал Мика. Хотя, по меркам той же Нонны, этот «экземпляр» не представлял никакой «исторической ценности». Однако Эля считала по-другому. Прислушиваясь к подруге во многих вопросах, она оставалась при своем мнении в отношении всего, что касалось личной жизни, уже только потому, что у Нонны личной жизни не было (беспорядочные, ни к чему не обязывающие романы не в счет).

Эля замечала и ценила мелочи, которые для той же Нонны ничего не значили. Например, до Мики она полгода встречалась с молодым успешным адвокатом, и поначалу ей казалось, что она сорвала джекпот. Святослав еще не был сказочно богат, но уже имел огромную квартиру недалеко от центра, доставшуюся ему от родителей, хорошее образование, новую «Ауди» и отличные перспективы. Они не жили вместе, но, оставаясь у него по выходным и в течение первых двух месяцев просыпаясь рядом с ним, она удивлялась, что он еще не бросил ее, не загулял, не изменил, не нашел кого-нибудь поэффектнее и помоложе, ведь он был еще и на год младше. Нонна ругала Элю за низкую самооценку. Но в итоге Эля сама бросила возлюбленного, что стало огромной неожиданностью не столько для подруги, сколько для самого Святослава. Когда Эля объявила ему о том, что им не по пути, молодой человек покрутил пальцем у виска – он на полном серьезе был уверен, что покинуть его может только безумная. Первым тревожным звоночком для Эли стало то, что Святослав начал отговаривать... даже не так, он начал высмеивать ее «винно-рисовальные посиделки» – покусился на ее главную отдушину, ее уютный мирок, место силы, которому она отводила всего два часа в неделю! А узнав о том, что на это «баловство» уходит четверть Элиной зарплаты, он разволновался так, будто она крада эти деньги из его кармана. Он принялся перечислять кучу «полезных вещей», на которые можно было бы потратить эти же деньги «с толком», а Эля слушала, распахнув и без того большие глаза, и откровенно недоумевала.

Начав встречаться с Микой, девушка решила не афишировать свои затраты на членство в клубе. А когда ей стали задерживать зарплату и из-за кризиса на фирме урезали премии, составляющие основной доход сотрудников, Эля приняла решение распрощаться с дорогим хобби. Заметив уныние любимой, Мика разузнал его причину и погасил долг Эли за членство в клубе, убедив девушку в том, что кризис не будет длиться вечно и скоро все наладится. Так и вышло. А вот Мику, который, не раздумывая, отдал последнее ради блага любимой, настигла полоса финансовых трудностей. Впрочем, благодаря своим институтским друзьям недавно он все-таки устроился на постоянную, хотя и не особо высокооплачиваемую работу. В общем, Эля очень долго пребывала под впечатлением от широкого жеста Мики и продолжительное время закрывала глаза на его последующее затянувшееся безденежье. Она больше никогда не хотела выслушивать лекции о своем бестолковом хобби, путь даже их будет читать султан Брунея. И с Микой она могла на это рассчитывать. И именно это долгое время давало ей силы пресекать разглагольствования Нонны касательно несостоятельности ее избранника.

Сейчас состояние Эли балансировало на грани между отчаянием и надеждой. «Даю вашему расставанию еще пару дней», – стучали в висках слова подруги. А вдруг он и впрямь переварит обиду и остынет? Он ведь так любил ее! Нет, любит! В настоящем времени! Такое не проходит за один день. Да, она виновата, но жизнь продолжается! Пока они живы, все поправимо!

Однако их нерожденный ребенок никогда не будет жить, а вместе с ним навечно похоронена и их любовь, подала голос мысль-антагонист.

Эля не так уж и верила в любовь как в безусловное чувство, появляющееся из ниоткуда и исчезающее в один миг. Любовь к Мике была практически осязаема, поэтому избавиться от нее было сложнее, чем от беспричинной влюбленности. Ее чувство было соткано из лоскутов: душевного комфорта, легкости в общении, возможности быть собой в его присутствии.

Возвышенные представления Эли о будущем не совпадали с простым земным путем Мики. Но не лучше ли быть счастливой реалисткой, чем несчастной мечтательницей?

Когда Эля вернулась в офис, в переговорной ее уже ждал один из постоянных клиентов. Она равнодушно кинула на стол папку с проектом и поймала на себе привычный восхищенный взгляд. Мужчина в костюме был не просто клиентом, а ВИПом. Именно таких, как он, имела в виду Нонна, недоумеая по поводу того, что Эля не пользуется служебным положением и отвергает ухаживания богатых успешных мужчин, обращающихся в их элитное агентство. Эля не была настроена принципиально против такого рода ухажеров, но за годы работы с дорогим жильем ей ни разу не захотелось ответить на ухаживания клиентов. Подобные связи не сулили тепла, а во взглядах и намерениях этих мужчин она не видела ничего, кроме похоти и желания властвовать.

Эля окунулась в офисную суету и не заметила, как переработала два часа. Темнеть стало позже, и когда она подходила к подъезду своего кондоминиума, вечер почти не ощущался.

Еще одна хорошая привычка, от которой она не могла отказаться – аренда элитного жилья. Общая огороженная территория, бесплатное парковочное место, свободные от колясок и велосипедов коридоры. В лифте не встретишь соседа с собакой и не задохнешься от запаха недавно проезжавшей псины – как правило, проживание животных в кондоминиуме не приветствовалось. Маленькая кухня, объединенная с гостиной, могла бы показаться кому-то минусом, но для Эли она была, скорее, приятной деталью, напоминающей о распространенной зарубежной традиции отдавать предпочтение питанию в кафе и ресторанах.

Эля остановилась у входа в просторный подъезд и вспомнила, как Мика провожал ее в один из их последних вечеров всего несколько недель назад. У него намечалась ночная съемка, а Эле оставалось поспать всего несколько часов до раннего подъема на важную встречу. Мика заботливо предложил ей подняться в квартиру без него, чтобы хоть немного выспаться, но Эля ответила, что так легко он от нее не отделается. Мика сказал:

- Я готов добровольно сделать себя несчастным!
- Ты будешь несчастен без меня?
- Конечно!

Этот ответ еще тогда показался Эле очень искренним и пронзительным, но только сейчас она окончательно обрисовала для себя его смысл: она была его счастьем. Быть чьим-то счастьем дорого стоит. Может ли она сейчас похвастаться чем-то подобным?

Эля зашла в пустую, но очень уютную квартиру и, практически сразу оказавшись на кухне, открыла дверцу холодильника и достала недопитую бутылку красного вина. Она пила понемножку, но каждый вечер, в одиночестве с того дня, когда в последний раз поговорила с Микой. Это было две недели спустя после аборта, она тогда осознала, что совершила непоправимую ошибку. На тот момент они не общались несколько дней, Эля выловила его возле бара, в который он ходил по пятницам.

- Мика, прости! Миш, ну пожалуйста!

Его внешнее равнодушие и нежелание разговаривать приводили девушку в отчаяние.

- Ты уничтожила не только мое чувство к тебе – ты уничтожила меня.

- Что ты имеешь в виду? Уверена, все не так страшно, все поправимо!

– Все случилось слишком не вовремя. Я не могу винить тебя, но никогда не забуду твою причастность. Нам обоим не повезло.

- Что могло случиться? Мы всего десять дней не общались!.. Я люблю тебя, Мик...

- Десять дней тебе понадобилось, чтобы осознать это.

Его лицо, искривленное гримасой то ли боли, то ли презрения, стояло у нее перед глазами. Она и впрямь была скупа на признания, пока они были вместе. А в тот вечер главные слова сами вырвались наружу.

Эля плеснула вина в большой бокал и начала писать сообщение: «Я снова хочу быть твоим счастьем...» Затем положила телефон рядом с бокалом и долго, не мигая, смотрела на светящийся экран с неотправленным сообщением. Оно никогда не будет отправлено.

Из груди у нее вырвался почти рев. Она упала на кафельный пол и свернулась калачиком, впившись острыми ногтями в свой живот, как будто пытаясь вырвать из него клочок, наказав себя тем самым за то, чего нельзя изменить. Она испытала все спектры отчаяния по поводу невозможности повернуть время вспять. Никогда больше ей не быть его счастьем. Она недостойна. Она убила их ребенка – того, кто мог бы стать их общим счастьем.

И снова пробудились нотки надежды, от которых Эля старалась не сойти с ума: они живы, она не бесплодна, и никакой трагедии нет.

Ну как же, нет?! Это ведь так несправедливо по отношению к нерожденному: «Ты прости, убивать тебя было ошибкой, но теперь мы обязательно дадим жизнь кому-нибудь другому! Так уж вышло!»

«Не драматизируй», – убеждала себя девушка и, подвывая, вскарабкалась по стулу, поднялась, чтобы сделать пару успокоительных глотков, а затем проследовала в спальню и упала навзничь.

Засыпать после отчаянных рыданий получалось быстро. Ее не мучила бессонница. Именно бессознательные часы сна были самым счастливым временем суток.

А вот поутру Эля физически чувствовала, как горе сковывает ее веки. И прежде чем открыть глаза, она задавала себе вопрос: проснется ли она когда-нибудь счастливой снова? Проснется ли чьим-нибудь счастьем? Врожденный оптимизм или привычка преодолевать неудачи – что-то из этого заставляло ее вовремя подняться, привести себя в порядок и отправиться на работу, ничем не выдавая своего состояния. В конце концов, боль отступит, когда-нибудь к ней вернется вкус к жизни.

В любом случае уже в машине, по пути в офис, поглаживая пластиковую крышечку бумажного стаканчика с капучино, Эля чувствовала себя намного лучше, чем накануне вече-

ром. Она верила, что исцеление не за горами, и даже несмело надеялась, что Мика, быть может, тоже потихоньку оттаивает.

2

Надя выпустила струйку сероватого дыма в открытое окно. Воздух был теплым и неподвижным, поэтому комната наполнилась запахом табака, несмотря на ее попытки это предотвратить.

Будет неловко, если Денис застучает ее с сигаретой. Спать она с ним отказалась до рождения ребенка, а сама тем временем дымит на седьмом месяце при каждом удобном случае. Хотя врач посоветовала ограничить только секс, про курение не было ни слова.

С другой стороны, если кому-то и должно быть неловко, то только Денису, если он снова явится под утро. Но во сколько бы он ни явился, даже всюду виноватый, он наверняка начнет нудеть из-за сигарет.

Она затушила окурок в кофейной чашечке и уже через минуту прикурила новую сигарету.

Все чаще в последнее время ее посещали мысли о несбывшемся. Позади – тридцатилетний рубеж. Вроде бы не так много. Дети подросли, можно было бы уже наверстывать упущенное. В ее арсенале – успешно оконченный филфак и предложение от ведущей редакции страны. Сейчас, по прошествии почти десяти лет, ее там, конечно, никто не ждет, но она могла бы начать с более мелкого издательства. Вспомнить навыки редактуры или заняться переводами. Не так важно, как именно возвращаться к любимому делу. Но не тут-то было: на подходе третий ребенок, который, как она знала по опыту, завладеет всем ее временем и вниманием на ближайшие несколько лет.

В юности Надю не столько заботило построение карьеры, сколько одолевало стремление создать семью. Сейчас оно сменилось тоской по временам, когда она была свободна. Все, что когда-то казалось мукой – сидеть дома, когда у всех подружек уже есть бойфренды, месяцами не чувствовать мужского тепла, в одиночестве ходить на чужие свадьбы и все свободное время проводить с такой же одинокой подружкой, – теперь выглядело в ее глазах более чем заманчиво. Но ведь не было необходимости рано выходить замуж. Она могла посвятить это время саморазвитию, работе, отдыху, книгам, второму образованию. Почему она не понимала тогда, что так тоже можно жить? Почему мечты о мужчине вытесняли все другие конструктивные мысли? Почему у нее не было феи-крестной, которая успокоила бы ее душу, сказав, что рано или поздно мужчина появится, вот только вместо уютной семейной жизни, которую она представляла себе как праздник двух любящих сердец, он обеспечит ей домашний режим путем систематического оплодотворения ее яйцеклетки? Почему она так поздно поняла, что куда удобнее придерживать мужчину чисто для романтических отношений? Свою жизнь она могла легко устроить сама. И, достигнув желаемого успеха, став тем, кем можно гордиться, с чьим мнением нужно считаться, лет в тридцать – тридцать пять уже можно было бы впервые задуматься о детях. Кто гнал ее в этот нескончаемый марафон повинностей, обязанностей, страхов и беспокойств? Могла ли она предположить, что к тридцати годам больше не почувствует себя такой свободной, как раньше? Что, если она уже не способна получать удовольствие, будучи загнанной в рамки семейных обязанностей и странно распределенных ролей внутри семьи?

Этот почти летний вечер, теплый воздух с примесью табачного дыма, пах в точности как тот, на перроне, когда головы ребят, таких родных и любимых, самых лучших, торчали в прямоугольных узких окнах готовившегося к отбытию поезда. Рыдания сдавливали ее грудь, горечь затуманивала рассудок, и чуть менее безутешная подруга Светка обнимала ее обмякшее тело. Казалось, что жизнь закончилась. Молодые люди часто принимают закономерные расставания и мелкие неудачи за конец света. А с возрастом, оглядываясь назад, осознают никчем-

ность тех слез. Но Надя даже сейчас, с высоты прожитых лет, могла с уверенностью сказать: ее жизнь закончилась тогда, на перроне Туапсе в год ее совершеннолетия. И хотя она довольно быстро пришла потом в себя и они встречались с той компанией из похода, она больше не жила так полно и ярко, как тем летом в горах. Звездное небо, потрескивание ночного костра, гитара, ощущение близости неба и моря одновременно, устоявшийся распорядок, дежурство на кухне по графику, долгие пешие прогулки, отсутствие границ, окружение близких по духу людей, романтические веяния. Даже несмотря на то что она родила уже двух новых людей и готовилась к рождению третьего, жизнь – пульсирующая, осязаемая, волнующая – навсегда покинула ее вены.

Был ли тому виной Денис, которого она ошибочно приняла за спасательный круг в засасывающем болоте своей невеселой молодости? Стал ли он ее главной ошибкой? Или проблема была в ней, в том, что она относилась к тому типу подростков, которые точно знают, когда им стоит умереть, потому что так будет лучше для всех, но дала слабину и теперь расплачивается за это? Быть может, шагнув во взрослую жизнь, она обрекла и себя, и своего будущего спутника, и даже своих детей на страдания? Еще неизвестно, кто стал чьим проклятием – он ее или она его. Ведь в глубине души Надя понимала, как с ней непросто – с мечтательницей, застрявшей в иллюзиях и неготовой к столкновению с житейскими трудностями.

Давно ли стали ее так безжалостно накрывать волны депрессии и апатии? Пожалуй, первые лет пять замужества она неплохо справлялась с ролью жены и матери. Или ей просто не хватало воздуха, чтобы вынырнуть на поверхность и крикнуть «помогите»? Слишком часто болел сын, слишком яростными первое время были его конфликты с сестрой. Все говорили, что погодки сведут ее с ума. Она с мольбой смотрела на Дениса, но тот не слишком пытался ее подбодрить. Но погодки подросли и стали требовать меньше внимания, подарив ей тем самым непрощеную возможность поразмышлять о своей судьбе.

Третья беременность чуть не стала поводом для развода. И, само собой, Надя не столько соблюдала требования врачей, не подпуская к себе Дениса, сколько стремилась отомстить мужу за его очередное неловкое движение. Когда он обрадовался известию о третьей беременности, она заявила, что жалеет, что связалась с бедным идиотом, который с трудом сводит концы с концами, но при этом радуется третьему ребенку.

Но Надя и сама понимала, что лукавит. Дэн умен, и именно это качество наряду с интеллигентной внешностью привлекли внимание... ее родителей, когда дочь привела домой на чай замерзшего ухажера. Для Нади тогда одобрение любого близкого человека, а тем более папы и мачехи, значило многое. И вот волна эйфории от угождения кому-то принесла Надю прямоком в ЗАГС.

В начале отношений Надя любила Дэна. Быть может, любила до сих пор, но вместе с любовью постоянно испытывала злость и недовольство по любому поводу, раз за разом раздражаясь и сыпля обвинениями, – поздно пришел, друзья непутевые, мало заработал, недостаточно времени уделил детям, проигнорировал ее, прогорел в пустяковой сделке и так далее. Надя не была зачинщицей громких скандалов, яд выпускала потихоньку, медленно отравляя их совместную жизнь и постоянно коря себя за это.

А Дэн старался, умудрялся на нескольких работах зарабатывать достаточно, чтобы обеспечивать семье достойную жизнь. Пока не роскошную, но он стремился к этому. Пытался радовать жену, пока не сообразил, что это в принципе невозможно. Оставались дети, которые были рады ему безусловно. На них он и выплескивал всю свою любовь, от которой Надя выстроила невидимую преграду. Вероятно, именно поэтому он так обрадовался очередному наследнику – тому, кто еще будет радоваться его возвращению домой.

Порой Надя ослабляла оборону, смягчалась на время, но рано или поздно вспоминала о загубленной бытом молодости, начинала сравнивать свой вклад в воспитание детей с редкими

импульсивными подачками мужа и снова становилась похожей на колючку – симпатичную, но слишком ядовитую, вызывающую желание держаться на безопасном расстоянии...

Надя с грустью посмотрела на пустую, идеально застеленную постель. Снова предстоит засыпать одной. До десяти лет она засыпала в обнимку с мамой. А потом мамы не стало, и ей пришлось спать одной. До тех пор, пока она не встретила Дэна. Он первый обнял ее перед сном, когда она уже забыла, что такое бывает. Все ее предыдущие романы были лишены близости совместного засыпания, когда сонное дыхание сливается в унисон, тяжесть расслабленной руки или переплетенных ног не чувствуется. Нет, она засыпала рядом с мужчинами, но не очень часто, они не успевали становиться ей настолько близкими, чтобы обнимать их всю ночь. А единственный молодой человек, с которым она жила до Дэна, по-снобски спал под отдельным одеялом.

И вот сейчас, когда ей, как никогда, требовалось тепло близкого человека, отца ее детей, Наде почти каждую ночь приходилось засыпать одной. Она не могла простить Дэну пренебрежение этим ритуалом. Ей не хватало его рук на ее животе до такой степени, что она их представляла. И от жалости к себе злилась еще больше. Ведь когда она была беременна в первый раз, он не смел и не хотел пренебрегать ею. А третий ребенок, значит, не нужен не только ей, но и ему, несмотря на его заверения. Выходит, все ее опасения оправданны: лучше уже не будет, только хуже.

Дэн далеко не всегда приходил под утро. Иногда чуть за полночь. В принципе, у нее не было поводов подозревать, что муж задерживается намеренно. Если он и соглашался приехать к компании друзей после работы, то никогда не мог, да и не пытался скрыть последствий посиделок. Ложась в кровать, он всегда обнимал ее как ни в чем не бывало, тем самым обесценивая ее обиды и переживания. А Надя не хотела усугублять, ведь если она оттолкнет его, устроит разборки, для нее мало что поменяется. Она проснется, не обнаружив его рядом, и целый день будет переваривать отравляющую обиду и винить себя за несдержанность, а его – за неспособность относиться со вниманием к тому, что представляет для нее проблему.

Со временем их секс стал похож на ритуальное жертвоприношение – стоны удовольствия смешивались со всхлипами обид. Вместо поддержания попыток мужа завязать разговор, она, не находя нужных слов, набрасывалась на него с маниакальной страстью. Дэн смирился. Он посчитал, что семейные разборки заводят жену, делая ее более страстной. Его это устраивало, он получал удовлетворение и не замечал ничего, кроме взбалмошности Нади, не требующей принятия специальных мер.

И вот, когда в начале второго триместра Наде сообщили об угрозе, секс ушел из их жизни. Пусть он был немного драматичный, но он крепко связывал супругов. Дело было даже не в тяжелой беременности, Надя была уверена, что рекомендации врача носят лишь предупредительный характер. Не дождавшись должного внимания от мужа, не найдя ни одной причины возобновить отношения в постели, она решила, что сложившаяся ситуация – отличный способ его проучить. Между ними оборвалась последняя связующая ниточка, а Дэн не предпринимал никаких попыток смягчить Надю. Чем больше она прикидывалась слабой и больной, тем меньше внимания получала от мужа. Их союз зашел в тупик, и от этого было очень больно и обидно. Надя перестала верить, что что-то еще можно склеить, будущее представлялось ей вязким омутом из непосильных хлопот, безнадежности и невысказанных обид.

Когда она поняла, что своей холодностью добилась прямо противоположного эффекта, было уже поздно давать заднюю. Она была почти уверена, что Дэн пошел по пути наименьшего сопротивления и начал удовлетворять свои потребности в другом месте. Об отношениях на стороне говорить было рано, но в том, что в его-то жизни секс имел место, она не сомневалась. Особенно после его последнего появления в перепачканных всем, чем только можно, трусах.

Дэн не смог догадаться, что в то утро она разозлилась вовсе не на него. За то, в кого рядом с ней превратился ее муж – порядочный интеллигент и светский интеллигент, – она

возненавидела себя. Именно она довела его до таких позорных походов. Надя наполнялась бурлящим коктейлем из жалости к нему, к детям, не видящим гармоничной семьи, к еще не родившемуся ребенку, обреченному на нелюбовь, и нарастающей ненависти к себе. «Надо же было так влипнуть», – крутилось у нее в голове. А слабость и неспособность изменить ситуацию порождали новую злость.

Ночные никотиновые затяжки украдкой ото всех в собственной спальне дарили временное ощущение умиротворения, но в то же время напоминали о том, насколько она ограничена в возможностях открыто и в любое время делать то, что ей хочется. Единственное, что приносит удовольствие, заставляет ее чувствовать себя воришкой и вредителем...

Она вздрогнула, услышав, как открывается входная дверь, и резким щелчком откинула недокурную сигарету в темноту раскинувшегося под окнами палисадника. Запах, конечно, никуда не денется. Если Дэн направится напрямик в спальню, ей несдобровать. Он не закатит скандал, но впредь виноватой всегда будет она, а не он.

На ее счастье, Дэн надолго закрылся в ванной. Надя прислушивалась к шуму включенной воды и думала о том, что сегодня сможет положить конец их холодной войне, взмахнув белым флагом. Она не сомневалась, что муж не оттолкнет ее, если она первая обнимет и поцелует его. Однако это будет означать, что она принимает и прощает все его равнодушие и пренебрежение последних месяцев.

В ванной щелкнул замок, но в спальню Дэн не пришел. Надя вышла и увидела мужа на кухне. Он сидел в халате перед открытым ноутбуком и что-то печатал, периодически отпивая минералку из стоящего рядом стакана. Надя так и замерла, теребя подол короткой ночнушки. Ей почему-то было стыдно просто так взять и приласкать мужа. И почему для нее это представляется каким-то унижением?

Виной всему – то утро. Скорее всего, если бы он не облажался таким позорным образом, ей было бы легче пойти на примирение. Но после его выходки сделать первый шаг – это все равно, что подставить вторую щеку грубому обидчику. Поэтому она попятилась назад, в темноту спальни.

Вдруг она поймала себя на том, что хочет пить. Она имеет полное право прийти и налить себе стакан воды. Он увидит ее, поймет, что соскучился, и что-нибудь спросит. А она ответит не в привычной резкой манере, а мягко. Быть может, даже нежно, с улыбкой. И тогда он сделает за нее всю самую сложную работу, а она просто не будет ему препятствовать.

Гипнотизируя его затылок, Надя приблизилась к кухне. Он не обернулся, и она проследовала мимо, не взглянув на него. Налила стакан воды и, резко повернувшись на голых пятках, пристально посмотрела на Дэна. Внутри у нее все клокотало от негодования: она будто выпрашивает внимание у мужа, стоя босиком посреди кухни с выпяченным вперед огромным животом и вглядываясь с опаской в его лицо! А он сосредоточен и не поднимает взгляда. Она вдруг услышала собственный голос. А когда разобрала смысл сказанного, ей захотелось закрыть себе рукой рот. Но было уже поздно.

– Зачем вообще приходить домой, если хочется проводить время только с ноутбуком? – Эти слова вылетели из нее пулеметной очередью, которая срикошетила раньше, чем удивленный муж успел среагировать.

– Извини, я не знал, что у тебя были планы на меня, – ответил он довольно мягко и добродушно.

Надя презрительно сжала губы.

– Лучше бы ты промолчал.

– И что было бы тогда?

– Тогда бы я винула только себя.

3

Когда Регина проснулась в четверг после ночной работы в клубе, был уже полдень. Смена выдалась ненапряжная, она только танцевала, ублажать никого не пришлось. В ее случае это было досадой, вылившейся в плохое настроение и раздражение.

В кухне-гостиной за барной стойкой она обнаружила сестру с кружкой кофе, увлеченно изучающей листы А4, разбросанные по столешнице. Аглая была одета в трапецевидную серую юбку и желтый свитер, исполосованный вертикальными вязаными косичками. Из-под воротника и рукавов три четверти выглядывала белая рубашка в мелкий черный горох.

– Выглядишь безвкусно, но очаровательно, – заметила Регина, запахивая на ходу халат. – Куда собралась?

– Ты оказалась права, – ответила Аглая, не отрывая взгляда от бумаг. – Гематома почти рассосалась, а твоя тоналка победила ее окончательно.

– Неужели эта привычка неискоренима?

– Какая?

– Шарить по моим вещам.

– Неискоренима твоя жадность.

– Так куда ты идешь?

– На собеседование! Встала пораньше, поколдовала над физиономией и позвонила в отдел кадров. Сказали, что можно приехать к обеду. Вот сижу готовлюсь.

– Тогда можешь порыться еще и в моем шкафу, – подобрела Регина. – Ты же в этой юбке еще в школу ходила.

– Ну и что? Это говорит лишь о том, что с тех пор я не разжирела, как многие наши не по разу родившие одноклассницы. Ты не похожа на них – много двигаешься на работе, – прыснула Аглая.

– Смотрю, ты вышла из кризиса, – добродушно заметила Регина.

– Просто понимаю, что на новой работе отвлекусь и быстрее приду в себя.

– Ну да. Надеюсь, интервьюеры догадаются, что отсутствие вкуса ты компенсируешь незаурядным умом.

– Да ну тебя! Я комфортно себя чувствую в таком образе, и это главное! Лучше пожелай мне удачи. – Аглая сгребла со стола бумаги и кое-как запихнула их в большой потертый портфель. Затем, чмокнув сестру в щеку, поспешила обуться и накинуть бесформенное зеленое пальто.

– Ну о'кей, довольно мило. Надеюсь, кадровик – дурачок и не устоит перед твоими чарами.

– Спасибо. – Аглая искусственно растянула губы в подобие улыбки и тут же вернула их в исходное положение.

Шагая вдоль Садового, Аглая втягивала сухой суетливый столичный воздух со всей жадностью, на которую была способна, как будто пытаюсь навсегда вытеснить воспоминания о сыром загородном апрельском утре с его бьющим в нос запахом гнилой прошлогодней листвы. За эти дни снег почти полностью сошел, проталины превратились в целые континенты, обрамленные совсем уже прозрачными остатками льда. Тротуар был сухим и делал ее шаги звонкими и уверенными, так не похожими на те во время несостоявшегося побега – чавкающие и утопающие в грязи. От сырости скоро не останется и следа, земля подсохнет, и тогда, возможно, она заставит себя представить, что все это ей приснилось, почудилось, что если над ней и надругались, то это было очень давно, в прошлой жизни. Да и не с ней вовсе.

Отчасти именно поэтому она так легко согласилась с сестрой: чем меньше народу будет знать о случившемся и мусолить эту тему, тем легче ей будет представить, что ничего не было.

Однажды Аглая уже испытала на себе силу огласки, когда в десятом классе друзья уговорили ее пойти на вечеринку и весь вечер подливали в ее медленно пустеющий бокал «совершенно безобидный» сидр. На вкус он таким и был – легким, сладким, игристым, напоминающим напиток из детства. Но почему-то она не смогла сопротивляться, когда парень из параллельного класса, который хоть и казался ей симпатичным, но слыл бабником и балаболом, увлек ее за собой в ванную комнату. Она не протестовала, даже когда он уложил ее на гладкое дно акрилового джакузи и, пристроившись рядом, принялся осыпать ее тело поцелуями и медленно стягивать облегающие брючки. Ей даже показалось тогда, что сейчас вполне подходящий момент для того, чтобы лишиться девственности, за которую ее ежедневно гнобила сестра. Аглая уже представляла, как утрет ей нос, заявив о своем новом статусе, и даже позволила себе помечтать, что после случившегося Макс (так звали того парня) станет ее молодым человеком. Но в самый ответственный момент ее настиг приступ тошноты, и она не смогла его подавить. Ее несостоявшийся первый мужчина выскочил из ванной со спущенными штанами и такими воплями, как будто она оказалась оборотнем или выпустила вампирские клыки. Естественно, вся компания тут же ринулась смотреть, что же произошло, и обнаружила полураздетую Аглаю в луже блевотины и с болтающимися в области коленок трусиками. Стоит ли говорить, что будь у нее выбор, она предпочла бы быть изнасилованной, нежели опозоренной на всю школу. Поддержка пришла, откуда не ждали – Регина принялась успокаивать ее, убеждая, что позор пережить легче, чем аборт или лечение венерических заболеваний, а в школе повсюду сопровождала сестру и шикала на каждого, кто косо смотрел в ее сторону. По этой причине Аглая поверила в обещание Регины разобраться с обидчиками. Но в глубине души понимала, что действительно не хочет огласки вдобавок к тому, что уже пережила.

Сегодня она начнет новую жизнь, ту, к которой стремилась. Ее обязательно возьмут на канал, она погрузится в работу и навсегда забудет о том, как неудачно началась для нее московская жизнь. За дни, проведенные в стенах шикарной квартиры сестры, она не раз задумывалась о том, чтобы все бросить и вернуться в свой город – если бы она его не покинула, ничего бы не случилось, – но каждый раз откладывала это решение. И вот наступил четверг, принесший ей зыбкое облегчение и свободу пересилить себя и отправиться навстречу мечте.

И вот она преодолевает первую ступеньку на пути к проходной, где у нее спросят фамилию, паспорт, будут долго искать в списках, но в конце концов найдут и выдадут временный пропуск, который откроет ей путь к цели через турникеты и наглухо запертые магнитными замками двери. Она поднимется на лифте и, помедлив несколько секунд, спросит у самого на вид наименее занятого из пробегающих мимо сотрудников, где найти Жолудева Дениса Николаевича. Ее проведут сквозь огромный опенспейс, в конце которого она увидит несколько стеклянных коробок – переговорных и небольших кабинетов, спрятанных от основного рабочего пространства горизонтальными жалюзи, демонстрирующими ту или иную степень приватности...

Ее оставили одну в маленьком предбаннике напротив таблички «Психолог. Отдел кадров». Девушка, сопровождавшая ее, заглянула в дверь и пролепетала: «Денис, к тебе пришли». Мельком Аглая заметила, что опрятный молодой мужчина в очках сидит в кабинете не один, а в компании еще одной девушки, а сам разговаривает по телефону. Аглая переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда он освободится.

Спустя минуту тот самый Денис Николаевич, с которым она договаривалась о встрече сегодня утром, гостеприимно распахнул перед ней дверь, пожал ей руку и начал извиняться, потому что ему срочно понадобилось отойти минут на пять. Но чтобы не терять времени, интервью начнет его коллега, продюсер. Голос у него стал скрипучим и нервным, в глазах появились удивление и неподдельный ужас. У Аглаи тоже все внутри похолодело. Они узнали друг друга практически одновременно. Но ей ничего не оставалось, кроме как опуститься на

стул напротив девушки. Мужчина тем временем поспешил удалиться, оборвав сам себя на полуслове.

Аглая машинально достала из портфеля диплом, резюме и примеры работ. Хорошо, что девушка-продюсер, которая представилась, кажется, Ксенией (у Аглаи к тому моменту уже слишком сильно шумело в ушах), продолжительно и молча изучала ее бумаги. Аглая не смогла бы сейчас достойно поддержать разговор.

Долгое время она не решалась поднять глаза в сторону опенспейса, потому что кожей чувствовала, что ее недавний обидчик находится поблизости. В кабинете царил аромат дорогого парфюма, который она, как оказалось, запомнила до мельчайших ноток. Этот запах восстанавливал события с такой пугающей точностью, как будто она заново их переживала: слышала их запахи, голоса, ощущала толчки их плоти внутри себя.

Действительно, голубое пятно его идеально выглаженной рубашки продолжало маячить прямо за стеклом, а жалюзи были приоткрыты достаточно для того, чтобы их взгляды снова встретились. Собеседник, поймавший Дениса Николаевича в дверях, очень активно жестикулировал во время разговора, но тот явно не слушал его, потому что всем своим видом походил на такую же оглушенную рыбку, как и сама Аглая.

Большая тень проскользнула мимо мужчин за окном в направлении кабинета, где она изо всех сил старалась не лишиться чувств.

– Ксюха! Где ты носишь, едрить-колотить?! Эфир через двадцать минут! – Бородатая голова в дверном проеме на долю секунды переключила внимание на Аглаю и добавила: – Здравсте.

Излишним будет описывать состояние девушки, ведь она узнала и этот голос. Он звучал в ее голове вместе с голосом Дениса Николаевича (когда она перестанет так называть своего насильника?) и был вынут из руин подсознания еще одним навязчивым ароматом парфюма. Колоритную бороду она тоже хорошо запомнила и узнала ее даже быстрее, чем мерзавца Дениса.

Значит, должен быть третий, который тогда сперва показался ей самым безобидным и усыпил ее бдительность, спросив, как пройти к остановке.

– Валь, две минуты! Дэн пригласил девушку на собеседование и свинтил. Не могу же и я ее бросить!

– Минуту даю!

Дверь захлопнулась так же стремительно и бесцеремонно, как и открылась. Борода не узнала ее.

– Аглая, смотри. Пока мне все нравится, поэтому я не хочу тебя отпускать. Тем более корреспонденты нам сейчас очень нужны. Вот тебе инфоповод. Можешь воспользоваться компьютером, – Ксения указала на монитор, установленный напротив кожаного кресла Дениса. – Напиши статью для нашего сайта. Я вернусь минут через сорок и проверю.

Вставая из-за стола, Ксения ободряюще улыбнулась и еще раз пообещала не задерживаться.

Если бы Аглая была в состоянии говорить, она наверняка извинилась бы и соврала, что спешит. Да даже не обязательно что-то объяснять, можно просто встать и уйти. Но оцепенение сковало ее так, будто она пребывала в ночном кошмаре, лишившись всякой власти над своим телом и голосом.

Если Денис Николаевич сейчас вернется, она умрет, рассыпавшись на тысячи маленьких Аглай, только что потерявших свою мечту и себя. А он обязательно вернется, это же его кабинет, на табличке написано его имя. Но Денис не появлялся. Только после двадцати минут глядения в одну точку она сообразила, что он не вернется, ведь в его глазах она увидела отражение собственного страха. Тогда она встала и медленно переместилась в кресло напротив монитора.

Но прежде чем приступить к заданию, Аглая достала из кармашка потертого портфеля свой старенький айфон.

- Регина, привет.
- Тебя можно поздравить, лапусь?
- Регина, – произнося имя сестры, Аглая заглотила такое количество воздуха, что ей показалось, она вот-вот захлебнется им, – Регина, они здесь!
- Кто?
- Все они! Насильники! – Аглая негромко хрипела в трубку.
- Где? – невольно приглушила голос сестра.
- Они работают тут, на канале, куда я пришла устраиваться. Я видела двоих. Сразу двоих за одну минуту, представляешь? Уверена, третий тоже где-то здесь.
- Ты уверена, что это они?
- На сто процентов. Это они.
- Я надеюсь, ты не наделала глупостей?
- Каких глупостей, о чем ты... Нет. Я просто сижу в полном шоке, как дура. Один из них меня узнал, но это даже к лучшему, потому что он ко мне точно больше не сунется. И ведь именно с ним я договаривалась по телефону о собеседовании, представляешь?
- Так, погоди. Значит, ты ничем себя не выдала?
- Что значит, не выдала? Я, что ли, над ними надругалась?
- Нет-нет, я имею в виду, ты не ступила? Не психанула? Не убежала оттуда?
- Нет, я на месте. Но минут двадцать не могла пошевелиться. Вот тебе звоню. Меня оставили одну, чтобы я выполнила тестовое задание. Но я не могу. Я сейчас попью воды и уйду отсюда.
- Слушай меня внимательно: не вздумай уходить, не вздумай облажаться! Бери себя в руки и выполняй это чертовое задание! На все сто выполняй, поняла? Устроишься на канал, и они будут у нас на крючке. Ты же хотела отомстить? Это самый верный способ.
- Я не могу... – протянула Аглая плачущим испуганным голосом. – Я не смогу работать рядом с ними...
- Послушай, мы сделаем так, что это они пожалеют, что приблизились к тебе, ясно? Но если ты уйдешь, то усложнишь нам задачу. Поняла?
- Что ж, неплохо для начала, – заключила Ксения, внимательно изучив работу Аглаи. – Мы берем тебя на испытательный срок. Только позволь, я дам тебе еще одно задание – на дом, – она протянула соискательнице флешку. – До завтра расшифруй и составь монтажный лист, пожалуйста. Здесь сегодняшний сюжет о приютах. В эфир отправляем завтра днем. Придешь пораньше – попробуешь сама озвучить и смонтировать, если будут свободные монтажеры. Вроде бы все. – Ксения опять куда-то спешила. – Ах да, – она остановилась в дверях, – Дэн... Денис Николаевич сейчас... м-м-м, занят... Он сказал, что переговорит с тобой завтра.
- Покорно кивнув, Аглая сунула флешку в карман юбки. Она отсчитывала секунды до того момента, когда Ксения договорит и ей можно будет встать и уйти, не демонстрируя излишнюю нервозность. Только недавние слова Регины о скорой мести удерживали ее от резких движений. И как только Ксения кивнула в знак прощания, Аглая вскочила, крепко сжимая портфель.
- Спасибо, я все сделаю. До завтра.
- Слава богу, никто не потащил ее провожать, и вместо того, чтобы осмотреться на месте работы своей мечты, она проследовала в сторону лифтов, уткнувшись взглядом в пол. Только бы не встретиться глазами больше ни с кем из них, не услышать знакомый бас и раскатистый смех, которые режущей болью засели в ее голове! Не учуять аромат духов, от которого у нее леденели легкие! Только бы не наткнуться на третьего, который, притупив ее бдительность и притворившись самым безобидным, нанес последний удар!
- Оказавшись в пустом вестибюле, она наконец подняла глаза и увидела открытый лифт, от которого ее отделяло несколько метров. Она успеет. Только бы поскорее убраться отсюда! Уве-

ренно меряя шагами черный мраморный пол, Аглая приближалась к спасительной стальной кабине. Но двери лифта начали закрываться. Девушка машинально ускорила, и торопливый звонкий стук ее каблучков сообщил кому-то внутри лифта о необходимости подождать. Мужская рука потянулась к кнопке, и двери распахнулись в нескольких сантиметрах от носа Аглаи.

На нее с добродушными искорками улыбки посмотрели красивые голубые глаза, обрамленные сеткой самых первых, едва заметных морщинок на обветренной загорелой коже, резко контрастирующей не только с небесным цветом радужки, но и с пепельными, будто выгоревшими на солнце светло-русыми волосами, небрежно собранными сзади то ли в пучок, то ли в хвост. Спустя секунду губы мужчины все еще были растянуты в полуулыбке, но в ясных глазах уже плясали безумные чертики. Он ее узнал.

На канале, которому принадлежит целый этаж, работают сотни сотрудников, но она умудрилась наткнуться именно на этих троих. Все это было бы похоже на жестокий розыгрыш, подставу, если бы не неподдельные ужас и удивление в глазах красавчика в лифте и Дениса Николаевича.

Аглая не сдвинулась с места. Двери лифта снова начали закрываться, но кто-то из-за ее спины нервно и нетерпеливо, чуть не сбив ее с ног, вдавил кнопку вызова. Двери опять открылись. Красавчик смотрел невидящим взглядом прямо перед собой.

– Простите, девушка, – молодой парень заскочил в кабину, – вы едете?

– Я... я на следующем, – только и выдавила Аглая.

– Мика, привет! Спасибо, что подождал, – заговорил парень, тут же забыв про девушку с рыжими волосами возле лифта.

Мика был белее мела.

4

– Ну конечно! Я буду пахать на двух работах, а ты, как всегда, «вынужденно» отсиживаться, потому что твоя тонкая душевная организация не приемлет то такие методы, то саяки. Все как обычно. Я даже не удивлена.

– Ты сделаешь это для меня?

– Да. Потому что ты понятия не имеешь, что делать. А я тебе обещала отомстить, помнишь? Вот и отомстим. Просто я не подозревала, что это будет так быстро и просто.

– Региночка, я буду все делать сама: писать сюжеты, статьи, новости – все, что потребуется! Ты мне присылай материал, я буду его обрабатывать и пересылать тебе. У нас получится!

– Боже мой... Я даже поспать сегодня не успею, ты понимаешь?

– Я не могу пойти туда. Никак. Не смогу находиться рядом с ними.

Регина долго пристально смотрела на сестру, потупившую взгляд в пол, как будто взывая к ее совести. Но старания оказались тщетны. Было очевидно, что Аглая не сдвинется с места. А если каким-то чудом и согласится выйти завтра на работу, то все испортит.

– Пойду приготовлю, что надеть по такому случаю. – Регина лениво поднялась и поплелась в спальню.

Через несколько минут она вышла в легком элегантном брючном костюме серого цвета: удлиненный пиджак с завернутыми в три четверти рукавами и зауженные укороченные брючки по щиколотку. На ногах – элегантные желтые лаковые лодочки с полупрозрачными вставками, демонстрирующими утонченные сексуальные ступни. Обе сестры были миниатюрны, но очень хорошо сложены. Только одна это всячески скрывала под мешковатой бесформенной одеждой, а вторая – умело подчеркивала.

– Регина, корреспонденты так обычно не одеваются... – аккуратно заметила Аглая.

– А так, как ты, в столице вообще никто не одевается! – парировала сестра, любуясь отражением в напольном зеркале.

– Что ты будешь делать на этих шпильках, если тебя отправят снимать посевные работы в поле или на репортаж о высадке десанта?

– Хм... Возьму с собой кеды. Но эффектному появлению непременно быть! Я хочу увидеть их упавшие челюсти, когда они поймут, с кем связались!

– Будет нелепо, – устало, но смиренно проговорила Аглая. – Но допустим. Что дальше?

– Для начала доведу дело до конца по первоначальному сценарию, – ответила Регина, крутясь перед зеркалом и радуясь непривычному, но удачному образу.

– Что ты имеешь в виду?

– Они же собирались трахнуть меня, а не тебя.

– Зачем тебе это?

– Ты прекрасно знаешь, в чем моя проблема. Она никуда не делась. Этот крест мне нести всю жизнь.

– Не понимаю. Это и будет твоя месть?

– Конечно, нет, малышка! Это первый шаг. Вербовка, так сказать.

Аглая приуныла.

– Жаль, что они оказались такими мелкими сошками. Не в пример их богатому другу – владельцу этого вашего канала.

Это началось лет в двенадцать. Регина с рьяным энтузиазмом приступила к изучению своего тела и своей сексуальности. Она искала потаенные точки и училась ими управлять.

Первый оргазм она испытала еще раньше, в одиннадцать лет, на контрольной по математике. Охваченная волнением и паникой, она так усердно ерзала по стулу и сжимала бедра, что волна наслаждения подкралась абсолютно неожиданно. В глазах потемнело, они даже закатились под веки, а рот слегка приоткрылся – в таком положении Регина замерла на несколько секунд, не обращая внимания на одноклассников и забыв про контрольную. Никто не заметил ее внутреннего извержения, а она потом ходила под впечатлением целый день. И впоследствии, научившись управлять процессом, частенько доводила себя до исступления в людных местах, сохраняя при этом самый невозмутимый вид.

В тринадцать лет она осознала, что удовольствие можно приумножить и продлить, если в процессе задействован мужчина. В пятнадцать ей захотелось экспериментов, и она их провела с двумя партнерами одновременно.

Новые горизонты наслаждения кружили Регине голову, среди сверстников она чувствовала себя особенной, наполненной тайным знанием, доступным далеко не каждому. Она внимательно приглядывалась к окружавшим ее девчонкам (подруг у нее не было), пытаясь понять, испытывают ли они хоть толику того, что открылось ей. Если да, то почему делают вид, что наслаждению нет места в их жизни? Даже ее приятельницы, с которыми она хоть как-то общалась, почти никогда не затрагивали тему секса и парней. Регина откровенно недоумевала: это кажется им постыдным или они действительно ничем таким не занимаются?

Главным феноменом в ее жизни была сестра-близняшка, как отражение, похожая на нее, но совершенно другая внутри. Если остальные могли скрывать свои похождения, то про Аглаю Регина знала точно: она почти никуда не ходит, с мальчиками не встречается, разговоры на интересные темы не поддерживает. А Регина никогда не отличалась скрытностью, поэтому Аглая в общих чертах имела представление о высоком либидо сестры и ее похождениях.

Круг Третий Принятие

1

После странной встречи возле лифта, в тот же вечер Мика, вернувшись с сюжета, вместо того, чтобы пойти домой, поднялся в офис в надежде встретить Дэна, который прочитал все его сообщения, но не ответил. Вэлу он пока звонить не стал – все равно разговаривать было неудобно.

– Скажи мне, что я рехнулся. – Мика застал Дэна на пороге кабинета.

Тот, зажав под мышкой портфель, старательно закрывал кабинет на ключ. На лбу проступила испарина.

– Я не смог ничего сделать. Ксения приняла ее на работу.

– Ты видел ее? Это правда она?

– Да, это она. – Дэн стремительно направился к выходу сквозь полупустой опенспейс. – Извини, я опаздываю на консультацию. Клиент уже ждет.

– Я с тобой. Мне самому со дня на день понадобится психолог.

– Успеешь. Лучше составь компанию Валяну, он в «Карете». Уже, наверное, все пиво выдул. И будьте готовы, что завтра она снова появится в офисе.

Мика отпустил товарища и отправился в паб, где надеялся встретить Вэла. Впервые за весь апрель привычный холод не окутал вечерний город. Теплый воздух стоял неподвижно, как летом, опьяняя многообещающими запахами оттаявшей земли и пробирающихся по тонким ветвям деревьев молодых ростков. Но все это действовало на Мику удушающе, будто воздух остановился неспроста, а затаил в себе угрозу скорой расправы.

Дэн оказался прав насчет Вэла. Правда, Мика застал его уже расплачивающимся по счету.

– Ты уходишь?

– Да, маман позвонила. Набрала котомок на рынке, как всегда, больше собственного веса. Просит помочь дотащить до дома. Ну и с ужином помогу ей. Хочешь с нами?

Обычно Мика не мог сдержать улыбки умиления, когда Вэл говорил о своей маме – он с юных лет любил Лидию Васильевну и восхищался невозмутимостью друга, которого никогда не пугал ярлык маменькиного сынка, – но сейчас он с серьезным видом сказал:

– Нет, спасибо. Ты сегодня ничего необычного не заметил?

– И ты туда же?

– В смысле?

– Да вон Дэн гоняется за призраками.

– Я тоже ее видел.

– И я ее видел, – развел огромными лапищами Вэл. – Обычную перепуганную деваху, новую корреспондентку. Ничего особенного. И уж точно она не та, о ком вы подумали. Все, бывай. До завтра.

Получив дружеский прощальный шлепок по плечу, Мика опустил за стол и заказал пива. Быстро опустошив кружку светлого, весело пенящегося напитка, он отправился домой, где рухнул на продавленную кровать с деревянным изголовьем и крепко проспал до самого утра.

Новый день оказался еще теплее предыдущего. Мике пришлось покопаться на вешалке в поисках легких вещей, так как ветхий термометр, хлипко прикрученный к деревянной оконной раме, сообщил, что апрельское утро встречает жителей столицы двадцатиградусной жарой. Это

был тот самый неуловимый период в году, когда одной погоды было достаточно для поднятия настроения. Но сегодня Мика хмуро оглядел себя в узком напольном зеркале: голубые джинсы, футболка с пальмовым принтом и ветровка цвета хаки.

Покидая комнату, он кинул понурый взгляд на закрытый ноутбук, давно не подвергавшийся усердиям писательского труда.

Все образуется. Пусть даже пока сложно это представить. Но, как недаром сказал один мудрец, и это пройдет. А если она, как пообещал Дэн, опять появится сегодня в телецентре, то ситуация разрешится стремительнее, чем можно ожидать.

Рабочий день начался как обычно. Новенькой не было видно. Ближе к полудню он подсел к Вэлу, который трудился над сеткой вечерних новостей, и тот, вместо того чтобы поделиться своими наблюдениями, сунул ему контейнер с принесенной из дома едой:

– На вот, маман просила тебя подкормить.

– Спасибо. Надеюсь, ты принимал участие в готовке?

– Пф! Что за вопрос? – не отрывая взгляда от монитора, ответил Вэл. – Чистил, шинковал – все как обычно.

Мика знал, что это тот редкий случай, когда Вэл говорит серьезно, и, несмотря на отсутствие аппетита, с благодарностью принял еду и с удовольствием ее съел.

Его начинала бесить зависимость от ожидания появления новенькой. Он даже порывался зайти к Дэну, но в его кабинете постоянно кто-нибудь торчал.

Вскоре Мике пришлось выехать на сюжет, и он, попросив у коллеги сигарету, вышел из телецентра пораньше, чтобы успеть покурить.

Солнце палило нещадно, утреннее приятное тепло сменилось изнуряющим зноем. Город в один день переделся в летнюю одежду. На фоне остальных выделялись прохожие с теплыми куртками под мышками – бедолаги, которые то ли не успели сориентироваться, то ли не ночевали дома.

Слева, чуть позади от него, открылась дверь, из нее вышли несколько сотрудников телецентра. И среди них – невысокая девушка в свободных черных шортах и джинсовом белом пиджачке, накинутом поверх шелковой майки. Она остановилась рядом с Микой и козырьком сложила ладонь на уровне бровей, чтобы лучше разглядеть его.

– Привет! Я Аглая Матророва, новый корреспондент.

Мика чуть не превратился в пепел от пронзительного взгляда новенькой. Ноги подкосились под тяжестью съемочного оборудования, хотя Мика к нему давно привык. Перед глазами все поплыло, во рту пересохло. Только потому что рядом стоял водитель, а девушка вела себя весьма приветливо, он взял себя в руки и из последних сил вымолвил:

– Михаил. Мика. Оператор. Рад знакомству.

Поразительное сходство с той стриптизершей. «Да брось, – подсказывал ему еще вполне здоровый разум, – это она. Она, точно».

– Значит, мы будем вместе с вами выезжать на съемки и интервью? – весело предположила Аглая.

– Вероятно. То есть не всегда. У нас несколько операторов в штате.

– Да, я понимаю, – открыто улыбнулась девушка. – Как и корреспондентов. Поэтому если не сегодня, то завтра, верно?

Новенькая светила дружелюбием и озорной легкостью, и Мика чуть отогрелся под ее игривым взглядом. Никак нельзя было связать ту ночь и сегодняшнюю непринужденную беседу. Да и наверняка «здесь и сейчас» реальнее, чем то туманное деральное, как выразился Дэн, утро. А значит, нет причин для паники. Впервые за всю последнюю напряженную неделю, пропитанную ощущением безысходности и чувством вины, ему, наконец, полегчало. А милая девушка, принеся ему столь легкое избавление, вдруг вызвала в нем желание опекать ее и благодарить. Но Мика скрыл свои эмоции, скромно потупив взгляд.

– Хорошего дня, Миша! И держите за меня кулачки: сегодня у меня первое интервью!

Мика интуитивно сделал несколько шагов вслед за ней и, увидев, как она садится в машину с эмблемой телеканала, вдруг неожиданно для себя позавидовал той съемочной группе. Ему хотелось продлить и закрепить ощущение собственной непричастности к тому ужасному утру. А возможно это было, как ни странно, только рядом с ней. Поэтому он на каком-то подсознательном уровне начал стремиться к нахождению рядом с Аглаей.

Мика хотел вернуться в офис и найти возможность обсудить с друзьями происходящее, подтвердить уверенные предположения Дэна, но ему пришлось уехать на съемки до самого вечера. По возвращении он не застал ни друзей, ни Аглаи: было уже поздно. Сдав оборудование в камеру хранения, он пешком отправился домой. На носу были майские праздники, и, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о новенькой с волосами цвета спелой ржи в лучах заката, он подумал о том, как провести эти дни.

В прошлом году он провел их с Элей. Тогда их отношения были еще совсем свежи, они наслаждались зыбким, непременно проходящим, но пока еще довольно сильным чувством новизны. Все, что они ни делали, было прекрасно: поездки по историческим городам Золотого кольца, посиделки с его друзьями, ночевки на чужих дачах с сырыми несвежими простынями или в холодных палатках без удобств. Все внешние факторы уходили на второй план, потому что у них было главное: новизна чувств и безусловное желание касаться друг друга, заменяющее заботу о собственном комфорте.

Прошлой весной Мика влюблялся в Элю все сильнее с каждым днем, познавая ее тонкий ум, веселый нрав и природную тактичность. Она не воротила нос от крепкого словца и пошлых шуток, которые щедро изливал на свое окружение его приятель Вэл, не пыталась отделаться от занудных бесед Дэна и не тяготилась обществом его не по годам серьезной и вечно всем недовольной жены Нади. Она приняла Мику полностью, с его неоднозначным окружением, с финансовыми проблемами и неустроенностью. Тогда ему так казалось, и он был счастлив.

Но теперь эти воспоминания мимолетны, и о каникулах он задумался только лишь для того, чтобы вытеснить навязчивые мысли об Аглае. То, что в его жизни больше нет Эли, означает, что эти майские дни он проведет без любви, но с пользой: плодотворно поработает над книгой и постарается закончить черновик. Наверняка Вэл, как обычно, позовет его на рыбалку, а он, как обычно, не сможет отказать.

И тут же Мика подумал, что теперь уже все не «как обычно». Резкой болью в висках откликнулись нахлынувшие смутные воспоминания – последствия его безотказности. На рыбалку он не поедет. Да и Вэл, возможно, его не позовет. Привычная близость между ними исчезла, хотя никто еще этого до конца не осознавал.

В тот вечер он писал с надрывом, текст лился сам собой, но был какой-то больной, зараженный невидимой хворью автора, перед глазами которого то и дело мелькала рассыпчатая копна рыжих волос.

Спал он нервно и беспокойно, представляя избавление от наваждения только в новой встрече с ней. Ему снова требовалось подтверждение собственной непричастности к страшному преступлению. Весь ее беззаботный вид, добрая улыбка и чистый взгляд убеждали его в том, что ничего страшного не произошло, что он вовсе не грубый беспощадный насильник, каким представлял себя в последние дни.

Мика проснулся раньше будильника и отправился в офис телецентра, не дожидаясь начала рабочего дня. Плевать, что подумают коллеги, дорабатывающие утреннюю смену. Главное – увидеть ее, убедиться, что она не плод его больного сознания, стремящегося задобрить совесть симпатичной галлюцинацией.

За одним из рабочих мест полупустого опенспейса появилась ее рыжая головка. Новенькие всегда приходят вовремя и даже раньше, по крайней мере, в первую неделю работы. Мика выдохнул и позволил себе выпить стаканчик кофе из автомата.

На днях он встретил Элю около бара – похоже, она караулила его, желая поговорить. Но он был настолько невменяем тогда, что обошелся с ней довольно резко. Он всерьез считал, что именно ее поступок привел к тем событиям в клубе. Будь он в отношениях с ней, он даже не сунулся бы в подобное место, не говоря уже о последствиях.

Теперь, сжимая в руке пустой бумажный стаканчик и осторожно поглядывая в сторону Аглаи, которая уже успела пару раз доброжелательно ему улыбнуться, он начал сомневаться. А были ли они, эти последствия? Были ли они тем, за что он успел съесть себя изнутри и возненавидеть?

Будто благословенный ее дружелюбным настроением, он полноценно погрузился в работу, а к обеду у него даже проснулся аппетит. Он взял в буфете пару пластиковых контейнеров с едой и пошел перекусить в небольшую кухню. Столовой на этаже не было, большинство сотрудников опустошали свои контейнеры прямо на рабочих местах. Кто-то съедал обед по дороге из «Макдоналдса» или «Бургер Кинга». Мало кто из телевизионщиков с их сумасшедшим ритмом мог позволить себе расслаживаться в кафе или ресторане.

Аглая появилась в кухне вслед за ним, присела напротив за небольшим столиком, поинтересовалась, не будет ли он возражать, если она составит ему компанию. Мика сумел подавить в себе страх и изумление и превратился в приветливого, обаятельного, немного скромного парня, каким был всегда и для всех.

Их разговор лился непринужденно и касался в основном ее первых впечатлений от новой работы, но в то же время что-то в ее глазах обнажало тайное намерение. Игриво и кокетливо, одним взглядом, она вела с ним беседу, параллельную их вербальному общению. Не оставалось ни малейших сомнений: это она. Но она не держит обиды или зла, не травмирована их дерзким бесчеловечным поступком, а воспринимает случившееся, вкупе с последующим совпадением, как занятное приключение.

Еще отчетливее все это проявилось, когда в кухне появился Дэн. Из опенспейса ему был виден только Мика, и, очевидно, он намеревался перекинуться парой слов с другом, не подозревая, с кем именно тот мило беседует. В руках у Дэна была кружка, которую он собирался ополоснуть, но, заметив Аглаю, остановился как вкопанный и забыл, зачем пришел. Мика опустил голову и продолжил наблюдать за девушкой исподлобья. Та непринужденно поздоровалась с Дэном, спросила, как его настроение, и пообещала зайти к нему до конца рабочего дня, чтобы продолжить какой-то неоконченный разговор. При этом она переводила заискивающий взгляд с одного мужчины на другого, будто вовлекала их в свою игру. Дэн кивнул и многозначительно посмотрел на Мику, как бы спрашивая: «Какого хрена тут происходит?» Мика в ответ едва заметно пожал плечами. А Аглая... Будь он проклят, если она не улыбалась, глядя в тарелку. И то была даже не улыбка, а насмешка над двумя растерянными мужчинами.

2

– Все становится на свои места, не так ли? – свободно вращаясь в кресле, загадочно проговорил Дэн.

Его кабинет был одним из немногих мест в телецентре, где можно было уединиться. Что и сделали друзья, когда уже невозможно стало молчать.

– Долго вы еще собирались тихушничать, воробушки-хуебушки? – возмущенно проворчал Вэл. – Я реально не узнал ее. Хорошо еще, не успел подкатить с какой-нибудь двусмысленной шуточкой. Собирался ведь! Просто не успел.

– Она крутилась перед нами на шесте полночи еще до того, как мы впали в забытье, – напомнил Мика.

– Так я же не на лицо смотрел! У меня вообще веки отяжелели гораздо раньше, чем отшибло память. Вот досюда только глаз поднимался, – хохотнув, Вэл прочертил невидимую

линию чуть выше своей груди. – Удивляюсь, как вы узнали ее. Может, у вас синхронный глюк? Как вчерашняя проститутка заняла должность корреспондента на престижном телеканале?

Дэн сделал вид, что изучает текст на листе А4, хотя на самом деле помнил его наизусть.

– В резюме сказано, что Аглая Матросова закончила журфак в Самаре прошлым летом. Теоретически она могла прибегнуть к легкому заработку, пока искала работу по специальности. Правда, по телефону перед собеседованием она заверила меня, что всего две недели назад приехала в Москву и остановилась у сестры.

– Парни, может, это все-таки не она? Мало ли похожих типажей, – не унимался Вэл.

– Я бы согласился с тобой, – серьезно начал Дэн, отложив вызубренное резюме, – если бы не заметил, как она растерялась, увидев меня здесь. По-видимому, испугалась, что я узнаю ее и воспрепятствую устройству на канал. Но когда ее приняли, успокоилась, собралась и начала вести себя вызывающе.

– Да, в первый день она выглядела испуганной и растерянной. Даже в лифт со мной не зашла, – подтвердил Мика.

– А теперь превратилась в вызывающую хамку. И это, по-твоему, закономерно? – обратился Вэл к Дэну.

– Она поменяла тактику. Или избрала привычную для себя линию поведения. Она играет с нами, как играла той ночью сначала в роковую соблазнительницу, потом в жертву. Сейчас она забавляется, пользуясь нашим смятением. Она всем видом дает понять, что она – это ОНА.

– Это я тоже заметил. И все-таки, она здесь намеренно или случайно? – Мика подпирал стену и сквозь приоткрытые жалюзи вглядывался в муравейник опенспейса, как будто пытается найти ответ.

– Ага. Выследила, нарисовала диплом и устроилась на наш канал. Убивать будет по одному. Отстреливать на хуй. – Развалившийся в кресле для посетителей Вэл сделал выстрел из воображаемого пистолета. – Она на нас не заявила. И не заявит. Потому что мы – добросовестные граждане, которые заплатили за услугу и получили ее. Если она и преследует какие-то цели, то скоро мы поймем какие.

Дэн кивнул:

– Через полчаса у меня с ней беседа. Может быть, мне удастся разгадать ее настрой.

– А почему только сейчас? В первый день струхнул? – обличительно заметил Вэл.

– Признаться, растерялся. Как будто покойника увидел.

Дверь в кабинет открылась сразу после непродолжительного стука. Миниатюрная девушка в стильном черном комбинезоне и с собранными в гладкий хвост рыжими волосами заглянула внутрь. Окинув взглядом замерших при ее появлении мужчин, Аглая деловито поздоровалась и обратилась к сидящему во главе стола:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.